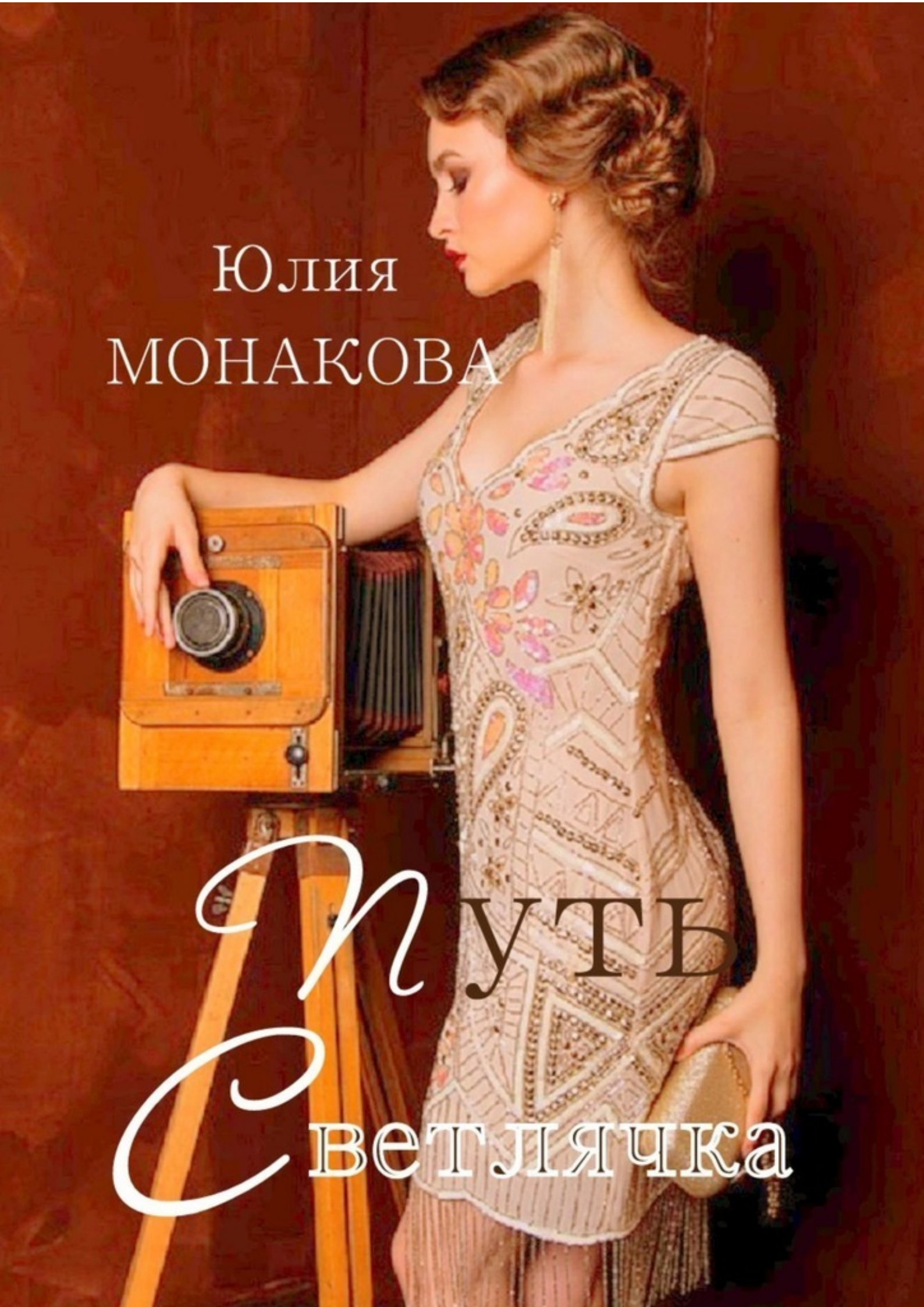

A woman with blonde hair styled in a vintage fashion is shown in profile, looking down at a large, vintage wooden bellows camera mounted on a tripod. She is wearing a light-colored, short-sleeved dress with a complex, colorful geometric and floral pattern. She holds a small, round, gold-colored clutch bag in her left hand. The background is a warm, textured brown wall.

Юлия
МОНАКОВА

Путь
Светлячка

Юлия Монакова

Путь Светлячка

«Издательские решения»

Монакова Ю.

Путь Светлячка / Ю. Монакова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966967-4

Они не должны были встретиться никогда — королева советского экрана и десятилетний мальчишка, влюблённый в неё светло и преданно, как можно любить только в детстве. Их встреча состоялась в новой жизни — когда у знаменитой актрисы, давно рухнувшей с пика популярности, не осталось ничего, кроме одиночества, забвения и алкогольного дурмана. И тогда он решил подарить ей шанс снова вскарабкаться на вершину славы... Захочет ли актриса изменить свою судьбу — или побоится очередного болезненного падения? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-966967-4

© Монакова Ю.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ 1	9
1975 год	10
2005	17
1990	20
1977	23
1991	38
1995	42
1977	45
1996	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Путь Светлячка

Юлия Монакова

© Юлия Монакова, 2019

ISBN 978-5-4496-6967-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все персонажи и события – исключительно плод фантазии Юлии Монаковой. Городок Речной в Московской области также является полностью вымышленным. За совпадение с реальностью автор ответственности не несёт.

ПРОЛОГ

2005 год

До очередной серии любимой мыльной оперы оставалось двадцать минут. Бабуси, сидевшие на лавочке у подъезда, торопились поскорее закруглить беседу, наспех досказывая друг другу последние важные новости: жаловались на неблагодарных детей и непутёвых внуков, делились дачно-огородными успехами, сетовали на повышение цен и проблемы со здоровьем, а также перемывали косточки проклятушим соседям, которые «то молотком долбят в десять вечера, то стены сверлят, то ребёнок у них всю ночь орёт как заполошный, то музыка грохочет – надо участковому пожаловаться!»

Вот тогда-то в залитый мягким предзакатным светом уютный дворик и въехала чёрная иномарка с тонированными стёклами. Бдительные старухи моментально навестили ушки и сделали охотничью стойку – таких машин в их дворе отродясь не водилось, уж им ли не знать! На подобных только бандиты рассекают, это всем известно, вон и по Первому каналу на днях показывали...

Тихо шурша шинами по асфальтированной дорожке, автомобиль притормозил у подъезда. Стекло с водительской стороны плавно опустилось, и любопытному взору бабушек представило молодое симпатичное лицо незнакомого парня.

– Добрый вечер, – поздоровался он и доверчиво улыбнулся, демонстрируя прекрасные белые зубы. Улыбка у парня была такая искренняя и располагающая к себе, что суровым старухам немедленно захотелось улыбнуться в ответ. Небесно-голубые ясные глаза и светлые волосы, которые находились в некотором творческом беспорядке (по всей видимости, хорошо продуманном), тоже производили благоприятное впечатление. Такой славный паренёк совершенно точно не может быть бандитом, уверились бабуси, оттаивая.

– Это ведь дом номер пятнадцать, верно? – поинтересовался молодой человек. – Скажите, пожалуйста, а в каком подъезде находится тридцатая квартира?

Бабушки всполошились, словно опомнившись.

– Тридцатая-то? Это тебе вон туда, милок, ко второму подъезду, – наперебой загалдели они, указывая нужное направление.

– Спасибо вам огромное! – парень снова по-голливудски улыбнулся.

Старухи дружно проводили отъезжающую иномарку взглядами, а затем молча проследили, как незнакомец вытащил из салона огромный букет красных роз и, захлопнув дверцу машины, решительно направился к двери нужного подъезда.

– Да... – вздохнула наконец Лидия Ивановна, как бы резюмируя увиденное. – А в тридцатой-то у нас кто живёт? Не Светка-пьяница ли?

– Она самая! Кто ж ещё! – перебивая друг друга, разом затараторили дворовые кумушки, воодушевлённые столь интересным и неожиданным поворотом событий.

– Вроде приличный человек, – пожала плечами Клавдия Петровна. – Костюмчик такой добротный, и машина дорогая, да и цветы, поди, не копейки стоят – вон букетище какой огромный, небось, на четыре моих пенсии!..

– И связался же с этой чувырлой, – недоумевающе вторила ей Елизавета Аркадьевна. – Где она вообще такого кавалера подцепила? Молодёнького, хорошенького...

– А если это её родственник? – высказала предположение Нина Борисовна. – Ну, а что? Может, племянник какой-нибудь... или даже сын.

Но собеседницы тут же подняли её на смех.

– Да какой сын, ты что! У этой пропойцы вообще нет родни. Что-то за эти годы никто к ней не приезжал, не приходил. Только собутыльники и шастают.

Нина Борисовна обиженно поджала губы.

– А я слышала, что у неё есть ребёнок. Светка то ли сама от него отказалась, то ли её родительских прав лишили за пьянку, а ребёнка в детский дом отправили... За что купила, за то и продаю.

Потрясённые старухи притихли, кровожадно втягивая воздух ноздрями, словно предчувствуя не просто жареную новость – а самую настоящую сенсацию. Любимый сериал был моментально забыт.

– Да про неё вообще много чего болтают!.. – горячо воскликнула Клавдия Петровна. – Даже в «Экспресс-газете» в прошлом году писали, что она мужиков меняла, как перчатки. Её за это блядство и муж выгнал, и из кино попёрли.

– А я наоборот слыхала, что она не то какому-то важному партийному работнику, не то кагэбэшнику отказала. Чуть ли не самому Андропову. А может, Брежневу?.. – принялась вспоминать Лидия Ивановна. – Вот ей воздух и перекрыли.

Однако остальные только похихикали над подобной версией.

– Ну, Лида, скажешь тоже... Светка-то в те годы ещё соплюхой была. Когда Андропов помер, она, небось, только-только школу кончила. Ты бы ещё Сталина приплела!

– А что Сталин? Что – Сталин? – тут же вспыхнула Елизавета Аркадьевна. – Вот сейчас чуть что – и сразу на Сталина кивают. Дескать, такой-сякой, сколько народа загубил. А я вам вот что скажу – всё равно при нём был порядок! Умел он, что ни говори... И войну мы выиграли благодаря ему. И вообще...

Её перебили, горячо заспорили, зашумели. В воздухе опасно запахло ссорой. Однако Нина Борисовна призвала всех к спокойствию, напомнив изначальную тему разговора.

– Да неважно, что у этой Светки в жизни было. Мы, чай, не меньше её повидали на своём веку, а уж пострадались-то и поболее. Но только главное вот что – человеком оставаться надо при любых обстоятельствах! – патетически изрекла она. – А Светка... тут и человека-то нет, слово одно, – Нина Борисовна пренебрежительно хмыкнула. – Пропавшая баба. Вконец пропавшая...

И все приятельницы дружно с ней согласились.

Молодой человек, интересовавшийся тридцатой квартирой, разумеется, не мог слышать жарких старухиных дискуссий. Он уже поднялся на четвёртый этаж и остановился перед желанной дверью, обитой заляпанным и местами висевшим клочьями дерматином, из-под которого выбивались грязные свалявшиеся комки старой ваты.

Парень нервно сглотнул, чувствуя, как взволнованно забилось сердце. Он и сам не до конца верил в то, что сейчас позвонит в дверь, и ему откроет та, которая...

Мысль свою он так и не додумал. Ему было страшно из-за того, что он увидит через несколько мгновений. Сразу же вспомнились увещевания продюсера и насмешливые взгляды хорошенькой секретарши с «Мосфильма», которая добывала ему этот адрес...

Он надавил пальцем на кнопку звонка, однако никакого звука не последовало. Он надавил сильнее, но снова ничего не услышал и только потом сообразил, что звонок, скорее всего, неисправен.

Поколебавшись секунду, парень несколько раз ударил кулаком в мягкую дерматиновую поверхность двери. Стук получился глухим, как в бочке. Тогда, разозлившись, он саданул костяшками пальцев прямо по замочной скважине. Сделалось больно, но злость придала сил и решительности, поэтому молодой человек от души несколько раз пнул дверь ногой.

– Ну кто там? – раздался из глубины квартиры хриловатый женский голос. – Стучат, стучат... Я же слышу. Уже иду... – ворчливо закончила хозяйка, и через секунду загромыхал дверной замок.

Он почувствовал, как обрывается у него сердце и стремительно несётся в бездну, а лоб моментально покрывается испариной.

Это был её голос.

ЧАСТЬ 1

Светлячок исчез, но во мне ещё долго жила дуга его света. В толще мрака едва заметное бледное мерцание мельтешило, словно заблудшая душа.

Я тянул во тьме руку, но ни к чему не мог прикоснуться. Чуть-чуть не дотягивался до тусклого мерцания.

Харуки Мураками, «Норвежский лес»

1975 год

– Дорогие товарищи телезрители! Начинаем концерт по вашим заявкам. Пам-парам-пам-пам-парам!

Круглощёкая улыбчивая девчонка лет десяти, стоя на табуретке, плавно взмахивала ладошками, словно дирижировала невидимым оркестром. Смешные торчащие косички с завязанными на концах бантами подпрыгивали в такт её движениям.

– И первым номером нашей программы выступает... выступа-а-ает... – она набрала в лёгкие побольше воздуха, но всё ещё медлила – тянула интригу. – Алла-а-а-а... Пугачёва!!!

С грохотом прыгнув на пол, отчего взметнулся вверх подол её коричневого форменного платья, девочка чуть не опрокинула табурет. Раскланиваясь перед воображаемой публикой, она на глазах перевоплощалась из конферансье в знаменитую певицу и поправляла несуществующие рыжие локоны.

– Арлекино! – объявила она сама себя в рукоятку от скакалки, служившую ей микрофоном, а затем торжественно вскинула одну руку вверх и запела пронзительным звонким голоском:

*– По острым иглам яр-р-ркого огня
Бегу, бегу, дорогам нет конца,
Огромный мир замкнулся для меня
В арены круг и маску без лица...*

Завершив исполнение коронным пугачёвским смехом, девчушка практически без паузы продолжила «концерт по заявкам» песней из фильма «Иван Васильевич меняет профессию». Загадочно стреляя глазами, подобно актрисе Наталье Селезнёвой, она кружилась по комнате, приплясывала, притопывала, залихватски подмигивала воображаемым телезрителям, принимая от них воображаемые же цветы, выразительно поводила плечами, с чувством прижимала руки к сердцу и заливалась соловьём:

*– Звонит январская вьюга
И ливни хлещут упруго,
И звёзды мчатся по кругу,
И шумя-я-ят города-а-а-а!!!*

Закончить номер ей так и не удалось – помешал звонок в прихожей. Девчонка на мгновение остановилась посреди комнаты, не сразу сообразив, на каком свете находится. Постепенно приходя в себя, она бросила взгляд в сторону настенных часов с кукушкой и в ужасе ахнула. Уже половина шестого! Мама её убьёт...

Звонок повторился – уже куда более настойчиво и раздражённо. «Убьёт, точно убьёт», – с обречённым вздохом подумала доморощенная артистка и поплелась открывать.

– Ты спишь, что ли? – переступая порог, устало выдохнула молодая белокурая женщина. За руку она вела насупленного мальчишку. – Трезвоню, трезвоню... А почему в школьной форме до сих пор?

– Не успела переодеться, – девочка торопливо присела на корточки и стала помогать младшему брату расстегнуть сандалики. Она предчувствовала неминуемую выволочку за своё разгильдяйство и сейчас изо всех сил старалась не встречаться с матерью глазами.

– Оставь его, пусть сам разуется, – с привычной строгостью велела мама. – Большой уже. Артемий, снимай сейчас же свои сандалии!

Мальчик скорчил страдальческую гримаску и жалобно заныл:

– Не хочу... не могу... не буду... у меня не получается...

– Что тут сложного, я не пойму? – с досадой воскликнула мать. – Господи, тебе уже шестой год, а ты до сих пор не умеешь толком ни одеваться, ни обуваться. Каждый день я вынуждена выслушивать жалобы от воспитателей на твою неаккуратность и беспомощность... За что мне это наказание?!

– Ну Тёма же у нас особенный, – негромко заметила сестра, продолжая возиться с сандалиями. – Не всё у него пока получается сразу... но я уверена, что он обязательно когда-нибудь научится.

– Особенный? – ядовито переспросила мама. – Милая моя, в медицине нет такого термина – «особенный ребёнок». Есть только «ребёнок с задержкой психического развития», что синонимично понятию «умственно отсталый».

– Тёма не умственно отсталый! – сестра оскорбилась за братишку чуть ли не до слёз. – Посмотри, как много и хорошо он читает, хотя некоторые его ровесники даже буквы не все выучили! А как он красиво рисует, строит модели самолётов, кораблей и роботов!.. А память у него какая!..

– Такая, что до сих пор не может толком запомнить, как пользоваться туалетом, и что по утрам и вечерам надо обязательно чистить зубы, – в тон ей подхватила мать. – А уж одеться и раздеться самому – вообще непосильная задача. Уж насколько ты у меня непутёвая, руки-крюки, но братишка даже тебя переплюнул в своей полной неспособности сделать что-либо нормально...

Девочка проглотила обиду, решив, что лучше воздержаться в данный момент от споров. Хорошо, что Тёма никак не реагировал на обсуждения его персоны – он в них просто не вникал. Сестра, наконец, справилась с тугими ремешками и стянула сандалики с ног мальчика. Тот моментально повеселел и с гиканьем помчался в комнату.

– Артемий! – крикнула ему вслед мать. – А руки помыть!..

Но сын её уже не слышал – он вытащил из-под дивана коробку с конструктором, увлечённо высыпал его прямо на ковёр и с воодушевлением принялся что-то строить, моментально с головой погрузившись в это занятие. И мама, и сестра знали по опыту, что оторвать Тёму в ближайший час от конструктора будет решительно невозможно.

– Отнеси сумки на кухню и разбери, – велела тем временем мать. – Мясо сразу же в морозилку, а то потечёт. Ты молоко купила?

– Забыла... – виновато потупилась девочка. Женщина вскинула брови. Глаза её выражали мучительное недоумение.

– Опять?! – вскричала она с надрывом. – Да что вы, издеваетесь все надо мной, что ли?

– Я сейчас сбегая, – заторопилась дочь, – одна нога здесь, другая там! Магазин до шести работает, я успею!

Лишь бы смыться из дома до того, как она заметит...

Между тем мама прошла в комнату, и вскоре оттуда послышался её возмущённый голос:

– Я просила протереть пыль и вымыть полы. А ты даже кровать за собой заправить не удосужилась! Да чем же ты занималась весь день?!

Заметила... Виновато вздохнув, девчонка молча всовывала правую ногу в чешку. Что тут можно было ответить?

Мать снова появилась в прихожей, сложила руки на груди и, привалившись спиной к стене, стала пристально наблюдать за обувающейся дочерью.

– Опять в облаках витаешь? – горько спросила она наконец. – Гримасничаешь перед зеркалом? Слушаешь пластинки и прыгаешь под них, как обезьяна? Песни на магнитофон записываешь? Актрисой себя воображаешь?

Уши и щёки девочки багрово покраснели – в большей степени из-за того, что мать в точности угадала и перечислила все её любимые занятия. Женщина глубоко вздохнула и даже с некоторой жалостью – почти участливо – произнесла:

– Никогда тебе не стать артисткой, Светка. Помяни моё слово.

Теперь у девчонки запылал даже кончик носа.

– Ты такая безответственная и несерьёзная... – сокрушённо продолжила мама. – Лучше бы делом занялась, в кружок какой записалась. Не театральный, нет! Какой-нибудь полезный... типа вязания, или там кройки и шитья. Ну что же ты, в самом деле – кобылка здоровая, пионерка уже, а до сих пор какой-то ерундой занимаешься. И увлечений у тебя толком никаких нет. Ну не должно же быть так, понимаешь...

– Я пойду, а то молочный закроется, – глухо пробормотала девочка, стараясь не выдать, как глубоко уязвили её мамины слова. К тому же, она опасалась, что за этим закономерно последуют расспросы об учёбе, чего ей совсем не хотелось.

– Деньги возьми, – мать протянула ей рубль и трёхлитровый бидон. – Хлеб тоже захвати. И не считай ворон по пути, ладно? Возвращайся быстрее. Мне на кухне твоя помощь понадобится.

«Интересно, – думала Светлана впоследствии, – когда я всё-таки стала актрисой, да не абы какой, а знаменитой на весь Союз и любимой зрителями – вспоминала ли мама о тех уничижительных словах в мой адрес? Пожалела ли о них хотя бы раз, в глубине души, если уж малодушно побоялась признаться вслух? А когда вся моя жизнь покатилась под откос – не испытала ли она тогда некоего подобия злорадного удовлетворения от того, что у меня ничего не вышло, ведь „я же тебя предупреждала“ и всё такое?..»

Она не имела права винить мать ни в чём. Тем более, в своей так нелепо закончившейся карьере. Наоборот, мама помогала ей – и с Наташкой, и материально, и вообще... Но... слишком уж легко затем она выкинула дочь из своей жизни. Светлана не вписывалась в её чёткие представления о мире. Мама словно вовсе забыла о её существовании. И запретила вспоминать о ней другим...

Справедливости ради, мама во многом была права насчёт Светкиной персоны, и дочь нехотя, про себя, но всё же признавала это. У неё действительно не наблюдалось серьёзной тяги к чему-либо полезному, важному, нужному. Не было достойного увлечения, которым она могла бы по праву гордиться.

Однажды за компанию с одноклассницей Надькой Ходковой она записалась на домбру. Сложно сказать, что привлекло её в казахском народном музыкальном инструменте, да и привлекло ли в принципе, но продолжалось это недолго. Несколько пробных занятий спустя им выдали домбры с собой до завтрашнего дня, чтобы они подготовили домашнее задание. Дело было зимой. Они шли по улице, Светка как всегда солировала: что-то оживлённо рассказывала – торопясь, размахивая руками и забегая вперёд Надьки, так что в конце концов предсказуемо поскользнулась и шлёпнулась на землю. Вернее, не на землю, а на домбру, которая издала жалобный «кряк» и моментально треснула. Светка тогда страшно перепугалась, думая, что её заставят платить за испорченный инструмент. Она малодушно спланировала свою домбру Надьке и больше никогда в том кружке не появлялась.

Похожая история произошла с ней при посещении кружка «Сделай сам», где она в первый же день умудрилась нечаянно разбить чужую поделку – разумеется, туда она тоже отныне и носа не сунула.

Всё у неё рвалось, ломалось, пачкалось и портилось. «Руки из задницы!» – с досадой проносил отец, когда Светка в очередной раз проливали чай на скатерть или рассыпала содержимое солонки на пол. Учительница труда только в бессилии закатывала глаза, наблюдая за неук-

люжими Светкиными попытками пришить пуговицу или приготовить простейшие сырники, в то время как многие её одноклассницы уже отлично шили фартуки и даже пекли самые настоящие торты.

Учителя пытались привлечь непутёвую девчонку хотя бы к общественной деятельности и активной гражданской позиции. Её чуть ли не насильно зачислили в клуб интернациональной дружбы, где школьники должны были переписываться со своими ровесниками из-за рубежа. Светке досталась какая-то Сабина из Восточной Германии. В первых письмах они обменялись своими пионерскими галстуками в знак дружбы между СССР и ГДР, а затем переписка постепенно сошла на нет, потому что общих тем для разговора у девчонок просто не нашлось.

Единственное, что получалось у неё просто прекрасно – это кривляться и обезьянничать, как в сердцах говорила мать. Девчонка без малейшей тени стеснения выступала в детском саду на утренниках, и воспитательницы всегда были уверены в том, что могут выпустить Светочку Звёздную на замену любому заболевшему ребёнку. Абсолютно не зная текста песни или стихотворения и не выучив движений танца, она так лихо импровизировала, что никто из зрителей-родителей не замечал подвоха, даже не догадываясь о том, что девчонка сочиняет свой концертный номер буквально на ходу.

Воспитатели часто сажали Светку на стульчик перед остальными детьми и со спокойной душой сваливали из группы на полчаса, а то и час, чтобы попить чайку в спокойной обстановке. Всё это время девочка с воодушевлением развлекала своих детсадовских товарищей различными историями: либо читала им вслух сказки, либо пересказывала наизусть любимые пластинки – разумеется, в лицах, с выражением, жестикуляцией и должной экспрессией. Дети восхищённо смотрели ей в рот и с упоением ловили каждое слово. Светка была для них кумиром, и она с удовольствием купалась в лучах этого поклонения и обожания.

Именно сшибающая наповал харизма (хотя это понятие ещё не было тогда заезженным и употребляемым повсеместно), недюжинное обаяние и потрясающая киногеничность – помимо, собственно, актёрского таланта – и сослужили Светке свою добрую службу, когда из тысяч советских школьниц на главную роль в фильме «Самое лучшее лето» выбрали именно её...

Помахивая пустым бидоном, Светка вприпрыжку приблизилась к магазину. Ей нравилось, как там пахнет: немножко подтаявшим сливочным маслом, немножко мороженым, немножко молочными коктейлями. Всё это девочка очень любила.

Она обожала намазывать масло на печенье «Юбилейное» и прихлопывать сверху другим печеньем – получался самый вкусный на свете бутерброд, который на ура шёл как с чаем, так и всухомятку.

Выбор мороженого в их городке был достаточно скуден: фруктовое, сливочное и пломбир, но желаннее этого лакомства в жаркую летнюю погоду не было ничего. Особое наслаждение – обгрызать по краям размякший вафельный стаканчик, уже начавший пропитываться сладчайшим кремово-молочным вкусом...

Коктейли продавались в гастрономе на Первомайской, в отделе «Соки – воды». Они готовились прямо у тебя на глазах: тётянка-продавщица в белом колпаке и переднике с кокетливыми кружавчиками наливала в огромный металлический стакан молока, добавляла туда пару ложек мороженого и доливала чуть-чуть фруктового сиропа – яблочного, малинового, грушевого или вишнёвого. Затем стакан устанавливался в миксер, продавщица нажимала заветную кнопку... и аппарат принимался реветь, словно раненый зверь. Как объяснял Светке всезнающий Даня, этот агрегат разгонялся до скорости пятнадцать тысяч оборотов в минуту. Время, которое требовалось на то, чтобы взбить ингредиенты до состояния воздушной пены, а затем

разлить райское питьё по гранёным стеклянным стаканам, тянулось мучительно долго, практически бесконечно. Но зато потом наступал миг блаженства!

Стоил коктейль всего-навсего одиннадцать копеек. Даня частенько угощал Светку с Шуриком, если на прогулках они вместе, как бы ненароком, заруливали в заветный гастроном. У Дани всегда было полно мелочи. Это у Светки в карманах вечно свистел ветер...

Даня с Шуриком были её лучшими друзьями с самого детства. Можно сказать, практически с рождения: их матери одновременно попали в роддом, произвели на свет детей в один и тот же день – пятого сентября – и за время, проведённое в больнице, сдружились так крепко, что даже после выписки продолжили душевное общение.

Неулыбчивая суровая продавщица необъятных размеров налила в подставленный бидон три литра молока и выжидающе взглянула на Светку:

– Шестьдесят шесть копеек.

Девочка растерянно заморгала.

– А... рубль? Я же отдала вам рубль!

– Когда это ты отдала? – нахмурилась тётка. – Никаких денег я от тебя не получала.

Светкины глаза испуганно заметались. Потеряла? Выронила? Забыла дома? Карманов у неё не было, но рубль-то точно был, она держала его в руках, она отлично помнит! Ещё свернула его трубочкой для удобства, а потом... потом...

И тут её вдруг осенило. Ахнув и заливаясь краской, Светка пробормотала:

– А деньги, это самое... того... они в бидоне.

Изумлённая очередь крякнула за её спиной в едином порыве. Продавщица недоверчиво приподняла крышку с посуды, и восторженному взору присутствующих действительно предстал всплывший из молока на поверхность, как бумажный кораблик, злосчастный рубль.

– Вот посылают в магазин безмозглых, – в сердцах выругалась продавщица. – Возись тут с ними...

Очередь изрядно повеселилась, наблюдая, как тётка огромным половником выуживает банкноту из молока. Затем она брезгливо бросила рубль на прилавок, чтобы немного обсох (хорошо хоть, не успел размякнуть и порваться) и, презрительно выпятив нижнюю губу, отсчитала Светке сдачу.

Девочка побрела домой, и ей ещё долго мерещились насмешки и ехидные перешёптывания за спиной. Пожалуй, мама была права насчёт её бестолковости...

Трудно было представить себе более разные, непохожие друг на друга семейства.

Родители Светки были типичными представителями рабочих профессий: мама трудилась инженером на машиностроительном заводе, а папа водил городской автобус. Они не хватали звёзд с неба, зато крепко стояли на ногах и старались, чтобы всё у них было не хуже, чем у других: телевизор, магнитофон, полированная мебельная «стенка», добытая по большому блату на смену уже не такому престижному серванту, хрусталь и сервизы для торжественных случаев, ковры, стеклянные люстры с бесчисленными висюльками, а также многотомники советской классики – увы, исключительно «для интерьера», а не для чтения. По выходным мама занималась генеральной уборкой и стиркой, по праздникам пекла пироги, а папа уезжал с друзьями на рыбалку или проводил свободное время с пивом перед телеэкраном.

Даня же происходил из классической еврейской семьи. Дед его, известный московский хирург Наум Вайнштейн, был арестован на волне массового психоза по поводу на шумевшего «дела врачей-вредителей» и реабилитирован уже посмертно – сердце не выдержало. Вдова Наума, акушер-гинеколог Шули Меировна, сгребла в охапку дочку Диночку и переехала в Подмосковье, подальше от глаз любопытных и притворно сочувствующих соседей, а также откоро-

венно злорадствующих сослуживцев – в городок Речной, где начала строить жизнь заново. Не то, чтобы в этом городишке вовсе не было антисемитов... но, по крайней мере, такие высококвалифицированные специалисты, как Шули Меировна, ценились на вес золота, и она благополучно проработала до самой пенсии в одном из местных роддомов.

Диночка незаметно выросла в целую Дину Наумовну и стала первоклассным стоматологом, а затем вышла замуж за коллегу – зубного врача Михаэля Шульмана. Разумеется, когда у молодой супружеской четы родился сын Даниэль (он же Даня), по умолчанию подразумевалось, что он продолжит династию: само собой, мальчик станет врачом, и только врачом.

Данина квартира выглядела совершенно иначе, чем Светкина. Никаких мешанских ковров на полу и стенах (даже для дополнительной звукоизоляции), безвкусовых мебельных гарнитуров и пошлых стеклянных люстр. Только вышедший из моды антиквариат – штучные вещи, каждая со своей историей и индивидуальностью. Дубовый шкаф с затейливой резьбой, массивный буфет для посуды, стол и стулья из красного дерева, бронзовые светильники... Книжные полки прогибались от тяжести: в интеллигентной семье Шульман действительно читали, и читали запоем. По выходным же никто не тратил время на скучную уборку или просмотр телевизора – все вместе шли в кино или просто гулять.

Птицей совсем иного полёта казалась мать Шурика – Любовь Кострова. Она была буквально помешана на материальных благах и достатке. Женщина работала заведующей в комиссии и водила короткие знакомства со всеми «нужными» людьми Речного и даже Москвы, многие из которых становились её любовниками (директора гостиниц, заведующие складами и спецбазами, партийная номенклатура и так далее). Она поддерживала тесную связь с самыми знаменитыми фарцовщиками, реализовывая их товар у себя в магазине по завышенной цене – заграничную одежду и аксессуары, косметику, виниловые диски иностранных исполнителей, редкие книги... в общем, представляла собой типичную спекулянтку, или, как называли бы её уже после развала СССР, «пионеркой бизнеса».

Попав в квартиру Костровых, каждый понимал, что это уже абсолютно другой уровень, нежели чем у семейства Звёздных или даже Шульман. Здесь всё дышало не просто богатством и благополучием, а самой настоящей роскошью. Мебельная стенка сияла такой безупречно-гладкой полированной поверхностью, что становилось ясно – она произведена не в СССР и даже не в каких-то там ГДР или Чехословакии, а как минимум в Финляндии. Встроенный бар ломился от бутылок с иностранными этикетками. Восточные ковры на полу и стенах были привезены из Узбекистана – настоящие произведения искусства, ручная работа. Домашняя библиотека поражала воображение редкими изданиями художественной литературы, которые невозможно было разыскать в обычных книжных магазинах – Кострова приобрела всё это в московском валютном магазине «Берёзка», обменивая товар на чеки и сертификаты, полученные от многочисленных кавалеров.

Дочь тёти Любы всегда была одета лучше остальных и выделялась в толпе сверстниц – самая нарядная, самая красивая, в изысканных заграничных платьицах или костюмчиках. Справедливости ради, иногда кое-что из этого богатства перепало и Светке – тётя Люба по дружбе приносила обновки прямо к ним домой, и даже недорого просила. Правда, Светкина мама незаметно морщилась: она понимала, что её дочке достанется лишь то, что было отбраковано и отвергнуто самой Костровой. Дочь тёти Любы, с малолетства избалованная нарядами, иногда принималась кочевряжиться, находя, что то или иное платье недостаточно хорошо для неё. Но, переборов неприятный осадок, мама Светки всё-таки покупала у подруги предложенные вещи – благо, размер у девочек был один.

В холодильнике Костровых всегда водились дефицитные товары, от осетрины до красной и чёрной икры, приобретённые по бросовым ценам или презентованные всё теми же богатыми

покровителями. Тётя Люба уверяла, что у её дочери слабое здоровье, поэтому икра нужна ей каждый день, для повышения гемоглобина.

На самом деле, Александра была свежа, полна сил и энергии и абсолютно здорова («как кобыла», бесцеремонно говорила о приятельнице сына Дина Наумовна), однако послушно поддерживала легенду о своей мнимой слабости, запущенную матерью, и выгодно использовала это в своих целях.

Она вообще с детского сада была преисполнена невероятной важности и чувства собственного превосходства над остальными сверстниками. Даня беззлобно сбивал с заносчивой девчонки спесь, называя её Шуриком, и вскоре она и сама привыкла откликаться на это имя. Правда, тётя Люба страдальчески морщилась, слыша, как окрестили её драгоценную кровиночку друзья. Они словно обесценивали этим шутивым пацанским прозвищем всю «девчачковость», даже раннюю женственность, которую культивировала в Александре мать.

Светку же, к слову, Даня величал преимущественно Веткой, реже – Веточкой или Светлячком.

2005

– Всё-таки решил сам ехать? – в тоне Марьяны явственно слышались нотки недоумения и слабого протеста, хотя она старательно делала независимо-равнодушное лицо. – Почему нельзя послать туда директора по кастингу, ассистента... или кто там у вас съёмками заведует? Честно, не понимаю этой твоей блажи. С чего вдруг ты, популярный певец, для которого снимает клип один из лучших режиссёров страны, должен самолично уламывать какую-то престарелую и всеми забытую актрисульку, чтобы она согласилась в этом клипе сыграть?!

– Ну, во-первых, она не престарелая, – спокойно отозвался Тим, заканчивая втирать в кожу лосьон после бритья. – Во-вторых, это не блажь, а моя детская мечта, я же тебе рассказывал. Как ты не понимаешь? Неужели у тебя никогда не было кумиров?!

– Мой единственный кумир – это ты, милый, – усмехнулась Марьяна. – Послушай, ну как же не «престарелая»? Ей, наверное, уже лет сорок...

В устах двадцатитрёхлетней девушки эта устрашающая цифра прозвучала минимум как «девяносто». Тим невольно улыбнулся, глядя на её свежее хорошенькое личико.

Впервые они встретились три года назад на реалити-шоу «Взлётная полоса» – телевизионном вокальном проекте, куда слетелись, будто осы на варенье, юные певцы и певички со всех уголков нашей необъятной страны. Изнуряющие репетиции, тщательная подготовка номеров для еженедельных отчётных концертов, работа с лучшими педагогами по вокалу и хореографами, жёсткая конкуренция, жизнь под прицелом видеокамер... Не каждый мог выдержать такой стиль и ритм жизни. Кто-то срывался, скандалил, проваливал сольные выступления, сам уходил из шоу или же его сливали зрительским и судейским голосованиями – но Тимофей Солнцев и Марьяна Лукашкина продержались до финала. К тому моменту в шоу осталось лишь пятеро участников – великолепная пятёрка, как окрестили их журналисты и телезрители. Лучшие из лучших, талантливейшие из талантливейших.

Роман Тима и Марьяны завязался с лёгкой руки продюсера телепроекта – он настойчиво советовал им немного поиграть в любовь и страсть на публику, уверяя, что нотка романтики благоприятно повлияет на рейтинги «Взлётной полосы» и освежит шоу. Как в воду глядел! Красавчик Тим, покоряющий девичьи сердца своей неподражаемой улыбкой чеширского кота, и хорошенькая, как кукла, Марьяна, были идеальной во всех отношениях парой. Постепенно они и сами втянулись в эту игру, распробовали её и вошли во вкус. Тим стал победителем проекта, а Марьяна заняла почётное третье место. За неё голосовали и слали эсмэски преимущественно мужчины. Мало кого могла оставить равнодушным эта молодая сексапильная брюнетка с пышными формами и низким томным голосом, от которого у любого здорового мужика моментально начиналось шевеление в штанах – сразу же представлялось, как она будет мурлыкать в постели в момент ласк.

После окончания шоу Тим и Марьяна решили жить вместе. Вернее, они даже не обсуждали это, всё случилось как бы само собой, по умолчанию. Сняли в Москве квартиру – ни ему в родной Ярославль, ни ей в Екатеринбург возвращаться, понятное дело, совсем не хотелось. У каждого были грандиозные планы на будущее...

Карьера Тима после победы в шоу предсказуемо пошла на взлёт, в то время как Марьянина слегка притормозила, однако жили они хорошо, дружно и практически не ссорились. Марьяна была идеальной сожительницей по всем пунктам: не обижалась и не ревновала к успеху своего любимого, хотя у неё тоже имелись кое-какие звёздные амбиции; не нервничала из-за сумасшедших фанаток, которые гроздьями висели на Тиме после каждого выступления; не произносила ни слова упрёка, если он задерживался или вообще являлся домой под утро. Если у неё самой не было съёмок или выступлений, Марьяна терпеливо ждала Тима дома

с борщом, котлетами и даже пирогами. Она была ласкова, всегда оживлена и неизменно изобретательна и горяча в постели. Тим даже подумывал о том, что надо бы сделать подруге предложение – лучше жены он себе всё равно не найдёт. Не сейчас, конечно... пока ещё они оба слишком молоды, но... через годик-другой, глядишь, можно будет и расписаться.

А потом она тайком сделала аборт.

Это потрясло Тима до самого основания.

– Почему ты мне ничего не сказала? – орал он как резаный, сам не ожидая, что может так взбеситься.

– Позволь мне самой решить, что делать с собственным телом, – шипела Марьяна в ответ, точно разъярённая кошка.

– Но это был и мой ребёнок тоже! – возражал Тим.

– И что? – язвительно спрашивала она. – Ты собирался на мне жениться?

Его запал тут же испарился. Точно это и не он планировал сделать ей предложение некоторое время назад.

– Ну... – пробормотал Тим в замешательстве, – не то, чтобы жениться. Мне кажется, мы ещё не созрели, рано пока об этом думать, но... своего ребёнка я бы не бросил.

– Быть матерью-одиночкой, осчастливленной твоими алиментами? – она презрительно расхохоталась. – Нет уж, спасибо. Как ты ловко решил всё за меня! Я, значит, буду сидеть дома с малышом, а ты станешь платить мне каждый месяц отступные и гастролировать с концертами, записывать новые песни и раздавать интервью... Твоя жизнь вообще не изменится с появлением этого ребёнка, а я должна буду лишиться всего, что имею. Так вот, милый – я не собираюсь похерить свою карьеру в самом начале, так и знай! – подытожила Марьяна. – Я, вообще-то, певица, если ты забыл, и довольно неплохая. Я тоже хочу славы и популярности – так, к сведению. Или ты вообразил, что меня прельщает домохозяйская стезя?

– Я думал, ты меня любишь, – горько бросил он, отворачиваясь. – Могла хотя бы посоветоваться со мной! Вместе мы бы пришли к какому-нибудь решению... Или ты настолько мне не доверяешь?

– Ты же всё равно не хочешь жениться... – всхлипнула Марьяна от жалости к себе. – О чём тут можно было советоваться?

А потом внезапно оказалось, что она вся горит – столбик термометра показал тридцать восемь градусов. Тим уложил её в постель и позвонил в скорую, однако бригада отказалась выезжать к ним домой.

– Температура – это обычные последствия аборта, – авторитетно заявили ему в трубку. – Она может продержаться несколько дней. Вот если дольше – тогда и вызывайте врача. А пока дайте вашей девушке что-нибудь жаропонижающее. Только аспирин не надо, он может спровоцировать маточное кровотечение. Лучше парацетамол.

Тиму вдруг стало безумно жаль Марьяшку. И так перенесла операцию, бедненькая, перенервничала, настрадалась, а он на неё накинулся со своими претензиями... Ведь, положи руку на сердце, он тоже совершенно не был готов заводить детей.

Неделю он трогательно заботился о подруге: отпаивал её клюквенным морсом и свежавыжатым апельсиновым соком, кормил куриным бульоном с ложечки, окружил вниманием и лаской. Когда Марьяне полегчало, Тим купил путёвки в турагентстве и вывез девушку на Кипр. Казалось, всё потихоньку налаживается и возвращается на круги своя... Но с тех самых пор из их отношений исчез быллой огонь. По крайней мере, со стороны Тима.

Нет, он по-прежнему спал с Марьяной, но она уже не заводила его так, как раньше. Она, разумеется, не могла не замечать этого, но у неё хватало ума и такта не поднимать данную тему и не провоцировать скандал. Ведь пока у них всё хорошо?.. Да просто прекрасно, если взглянуть со стороны: Тим внимателен, нежен и заботлив. У него совершенно точно нет другой

женщины, в этом она абсолютно уверена. Так зачем же искать добра от добра? Она любила его, действительно любила, и не собиралась завершать их отношения только потому, что в них стало маловато огня.

Марьяна отнюдь не была душой и подозревала, что его чувство к ней – скорее привязанность, нежели чем любовь. Но Тим тоже не являлся дураком и наверняка догадывался, что едва ли найдёт партнёршу, подобную ей – такую же надёжную, преданную, любящую... да ещё красивую и талантливую. Нет-нет, она знала, что он не опустится до пошлых интрижек и не станет размениваться по пустякам, пока у него есть крепкий тыл в её лице. Он возвращается домой, зная, что его там любят и ждут. Он привык к ней. Он без неё уже не сможет.

Марьяна была уверена, что рано или поздно они всё равно поженятся – это будет абсолютно логично и естественно. Просто нужно набраться терпения и немного подождать...

А затем вдруг в их доме впервые всплыло имя Светланы Звёздной.

1990

Тим с детства был влюблён в эту актрису: по-мальчишески пылко, искренне, отчаянно. Точнее, даже не в саму Светлану Звёздную, а в экранный образ, воплощённый ею в знаменитом фильме «Самое лучшее лето», где она сыграла юную оторву – хулиганку Анфису, двоечницу и авантюристку.

Происходил Тимофей Солнцев из самой что ни есть пролетарской семьи. Мать – повариха в заводской столовой, отец – слесарь. Они любили сына, но, к сожалению, практически не занимались его воспитанием из-за занятости и постоянной усталости. Тимофея воспитывали двор и улица, и совсем немножко – школа. Во время летних каникул ребёнок был фактически предоставлен самому себе. Он целыми днями шлялся с другими пацанами по городу: исследовал подворотни, бегал в речной порт посмотреть на теплоходы или отирался на пляже. Мать опасалась, что сын попадёт в плохую компанию, и вообще страшно боялась дурного влияния. В конце концов, из деревни на лето был вызван мамин семидесятипятилетний дед – бывший конюх, которому отныне надлежало осуществлять надзор за малолетним правнуком.

Дед оказался невероятно забавным. Ночами он громко ржал на всю квартиру – не хохотал, а именно ржал во сне, как конь, видимо, тоскуя по своим четвероногим питомцам, а затем оглушительно командовал: «Но-о-о!» или «Тпр-р-ру!..» Тимофей давился от смеха и даже тайком записывал дедовское ржание на магнитофон, включая затем эти записи дворовым друзьям и приятелям, чем доводил их буквально до истерики. Дед не обижался на это, он вообще был покладистым стариком, но вот беда – уследить за шевотным, шустрым правнуком у него просто не хватало сил и энергии. Правда, кое в чём он всё же смог оказать влияние на мальчишку: приучил его к незатейливому деревенскому угощению – горбушке чёрного хлеба, густо присыпанной солью. Уважал он также и «тюрю» – блюдо, состоящее из кусков подсохшей белой булки или батона, залитых молоком.

Даже много лет спустя, став известным певцом, Тим мог проснуться среди ночи от голода и, оказавшись на кухне, с наслаждением вгрызться в подсолённый кусок чёрного хлебушка, запивая нехитрое лакомство простой водой из кружки...

Едва продрав глаза утром, Тимофей тихонько, стараясь не потревожить храпящего старика (родители были уже работе), бочком-бочком крался к выходу и просачивался за дверь. Впереди был целый день летней вольницы – бесконечный, счастливый, насыщенный разнообразными яркими событиями...

Мальчишка кубарем скатывался с лестницы и выскакивал во двор, а дед, разбуженный звуком хлопнувшей двери, ковылял в прихожую, поддерживая спадающие портки, и кричал вслед правнуку на весь лестничный пролёт:

– Тимоха!.. Ты хоть рыло-то умой!!!

Куда там – юркого пацана уже и след простыл. Вот и весь дедов «присмотр»...

Домой мальчишка являлся, когда на улицах уже зажигались первые фонари. Чумазый, лохматый, со ссадинами и болячками на коленках и локтях, которые он заклеивал листьями подорожника, но невероятно воодушевлённый, переполненный эмоциями и сочащийся впечатлениями, как спелый фрукт – сладким соком.

Мать ворчала на него для проформы, отец лениво страдал, что в конце концов даст Тимофею ремня, но одними лишь угрозами дело в итоге и ограничивалось.

Позже, отмочив в горячей ванне дневную грязь, чистенький и распаренный мальчик пил на кухне чай с сухарями и взахлёб рассказывал деду о своих сегодняшних приключениях.

В кино на «Самое лучшее лето» Тимофей попал совершенно случайно. Несмотря на то, что билет на детский утренний сеанс стоил всего десять копеек, мальчишка не желал тратить свои скудные сбережения на всякую ерунду. Вот уже полгода он старательно откладывал деньги на велосипед, собирая мелочь в свинью-копилку. Иногда родители великодушно разрешали ему оставить себе сдачу после похода в магазин, изредка сами подкидывали карманных денег «на мороженое», порою он находил медяки на улицах, прямо под ногами, а по выходным дням промышлял возле ЗАГСов – многие гости забрасывали молодожёнов мелкими монетами, когда те появлялись на парадной лестнице после регистрации, и Тимофей всячески одобрял эту традицию. Он резво ползал под ногами у очередной свадебной процессии и собирал рассыпавшуюся мелочь в целлофановый мешочек.

В тот день он как раз возвращался с добычей домой. Тяжесть мешочка, набитого монетами, ощущалась ужасно приятной – Тимофею не терпелось высыпать всю эту мелочёвку на стол и обстоятельно пересчитать. Он не сомневался, что там будет как минимум рубль.

Путь его лежал мимо кинотеатра. Мельком скользнув взглядом по красочным пёстрым афишам, мальчик вдруг чуть не споткнулся, замедлил шаг, а затем и вовсе остановился.

С одной из афиш на него смотрела девчонка. Он таких никогда прежде не видел. И дело даже не в том, что она была красивой – вернее, не только в этом. Что-то было в её глазах... некое загадочное лукавство, словно она заговорщически подмигивала пацану, приглашая узнать какой-то необыкновенно важный секрет. При этом казалось, что ей самой-то уже давным-давно всё известно про него, Тимофея – вся его подноготная. Он был перед ней весь, как на ладони, но это почему-то не раздражало, а радовало. У девчонки были удивительные глаза – светлые, бездонные, лучистые...

Минут пять Тимофей торчал перед кинотеатром, пялясь на афишу, не в силах оторвать взгляд от девчонкиного портрета. Затем прочитал название фильма и рванул к кассе.

– Сколько стоит билет на «Самое лучшее лето»? – выдохнул он в полукруглое окошечко.

– Двадцать копеек на две серии, – равнодушно отозвалась кассирша. – Но сегодня сеансов уже не будет. Завтра приходи в десять утра... Или в час дня.

– Дайте мне два билета на завтра, – выдохнул он торопливо, трясущимися руками развязывая свой мешочек и пересчитывая монетки на ладони. – На десять... И на час тоже.

Он и сам не понимал, что на него вдруг нашло. Словно с ума сошёл из-за какой-то картинки! Да может, эта девчонка на самом деле вовсе не такая уж и красивая. Может, это просто художник так её изобразил...

Фильм его просто потряс. Он просмотрел его два раза подряд, а затем вернулся к кассе и купил ещё два билета – на следующий день.

Так он ходил на «Самое лучшее лето» целую неделю – до тех пор, пока его не сняли с показа, заменив другим. Кассирша и билетёрша уже запомнили его в лицо и только посмеивались. Содержимое копилки заметно поредело за эти дни.

Когда фильм перестал идти в кинотеатре, Тимофей умолил работниц подарить ему ту самую афишу. Поначалу они гнали его прочь, сердились, говорили, что это не положено. Он упрашивал со слезами в голосе и даже обещал заплатить. В итоге они сжалились и отдали афишу просто так, задаром. Не было в тот момент на свете человека, счастливее Тимофея...

Он повесил афишу у себя в комнате и отныне засыпал, глядя в эти огромные бездонные глаза. «Я люблю тебя, Анфиса!» – тихонько шептал он, безумно стесняясь собственного признания и краснея. Он даже не отдавал себе отчёта в том, что актриса носит совершенно другое имя, что сейчас она, должно быть, уже выросла и, скорее всего, вышла замуж – ведь фильм вовсе не был новинкой...

Это лето действительно стало самым лучшим в его жизни. Тогда он понял, каково это – любить по-настоящему. Во всяком случае, так ему казалось. Ему только-только исполнилось десять лет.

Тимофей никому не говорил о своих чувствах, подозревая, что его поднимут на смех. Он ужасно боялся, что всё то светлое, нежное, непередаваемое, что он испытывал к чудесной девочке Анфисе из фильма, будет грубо высмеяно и втоптано в грязь. Хотя многие знакомые мальчишки тоже были увлечены киношными героинями: кто-то симпатизировал Алисе Селезнёвой из фильма «Гостья из будущего», кому-то нравилась Маша Старцева из «Приключений Петрова и Васечкина». Но ни одна из них не шла ни в какое сравнение с Анфисой! Алиса, в общем-то, казалась неплохой девчонкой, но её портила короткая стрижка. Маша вообще была занудной отличницей. А вот Анфиса... Анфиса была не такой. Она была классная – настоящая, живая, искренняя и непоседливая. С такой девчонкой он действительно мог бы дружить в реальной жизни...

Он записался в библиотеку и целыми дням просиживал в читальном зале, листая старые подшивки «Советского экрана», чтобы найти хоть какую-нибудь информацию о девчонке, играющей Анфису. Наконец, ему повезло – один из номеров журнала тринадцатилетней давности был почти полностью посвящён премьере фильма «Самое лучшее лето» и включал множество роскошных цветных фотографий (со съёмок и постановочных), а также интервью с режиссёром и исполнителями главных ролей.

Осторожно стрельнув глазами туда-сюда, Тимофей вороватым движением извлёк из кармана штанов завёрнутое в бумажку бритвенное лезвие. Чик-чик-чик – и через пару мгновений странички журнала, на которых были фотографии Анфисы и её интервью, уже незаметно перекочевали мальчишке за пазуху.

Сдавая подшивку «Советского экрана» обратно, Тимофей больше всего боялся, что украденные страницы предательски зашуршат под рубашкой и он будет пойман старушкой-библиотекашкой на месте преступления. Слава богу, обошлось... Да, мальчишке было ужасно стыдно за столь низкий поступок, но иного выхода для себя он просто не видел.

Дома он засел со своими драгоценными трофеями – сначала просто рассматривал фото, любовался нежными чертами лица своей кумирши, гладил странички ладонями... А затем нырнул в чтение с головой.

Вот тогда-то он и узнал, что актриса Светлана Звёздная родилась в тысяча девятьсот шестьдесят пятом году. Это означало, что ей уже исполнилось двадцать пять лет. Она была старше его на целую жизнь...

1977

Шурика и Светку постоянно принимали за сестёр, более того – за двойняшек, уж очень похожими они выглядели, абсолютно один типаж. Конечно, у Шурика и щёчки были покруглее, и румянец поярче, и светлые волосы от заграничного шампуня как-то особенно ярко сияли и волнами ниспадали на плечи, но в целом ни у кого не возникало даже тени сомнения, что эти девчонки – кровная родня. Они и сами смея ради поддерживали перед новыми знакомыми эту легенду, тем более, что родились действительно в один день.

Это, кстати, было предметом вечных конфликтов и споров: каждый год остро вставал вопрос – у кого состоится основное празднование, у Светки, Шурика или Дани (которого тоже угораздило родиться пятого сентября)? Шла нешуточная борьба за привлечение на свою сторону дворовых приятелей и одноклассников – ведь чем больше у тебя гостей, тем ты круче! Каждый тянул одеяло на себя. Злополучное пятое сентября стало яблоком раздора. В конце концов, родителям надоели ежегодные сопли и истерики своих детей, и, посоветовавшись, они решили праздновать так: утром все собираются на чай с тортом и прочей домашней выпечкой у Дани, после полудня – торжественный обед у Светки, а вечером застолье плавно перемещается в квартиру Костровых, как финальный праздничный аккорд, и присутствуют там уже не только дети, но и взрослые, и стол у них тоже совершенно «взрослый»: с вином, шампанским и изысканными деликатесами из «Берёзки». Подобная расстановка сил устраивала абсолютно всех, ведь тройной праздник куда лучше одного! Когда пятое сентября выпадало на будний день, торжество автоматически переносилось на ближайшее воскресенье и развивалось по тому же сценарию.

Что касается остальных важных праздников, то здесь родители условились следующим образом: каждая семья принимает гостей по очереди. Если на Новый год все собирались у Костровых, то уж на двадцать третье февраля – милости просим к Звёздным, а на восьмое марта – к семейству Шульман.

Это были поистине гармоничные и идиллические отношения абсолютно разных семейств. Да, можно было смело сказать, что все они – не одного поля ягоды, все принадлежат к разным кругам, но никому это всерьёз не мешало. Разве что Данин отец, Михаэль Давидович Шульман, слегка недолюбливал мать Шурика, и она платила ему тем же. До открытой конфронтации, впрочем, дело не доходило – каждый предпочитал держать своё мнение при себе. Тётя Люба Кострова казалась Шульману весьма недалёкой и примитивной особой, чья главная цель в жизни – хапнуть побольше, пустить пыль в глаза и покрасоваться в лучах всеобщего завистливого восхищения. Она же находила Михаэля Давидовича занудным и чопорным типом, и иногда это невольно проскальзывало в её презрительно оттопыренной нижней губе и ехидном взгляде. А в остальном общение членов трёх семейств шло гладко, без сучка и задоринки.

Детям и вовсе не было дела до взрослых заморочек – кто из какого круга да какого социального статуса. Они прекрасно проводили время втроём, и не было счёта их забавам и выдумкам. Летом они целыми днями пропадали на улице, развлекаясь на полную катушку.

Светка, как всегда, фонтанировала безумными идеями. Больше всего на свете она обожала разыгрывать незнакомых людей, и благодаря врождённому артистическому таланту делала это просто мастерски. Иногда, если родители были на работе, эта троица заседала у кого-нибудь дома возле телефонного аппарата – Светка набирала первый попавшийся номер и несла в трубку всякий вздор, разговаривая с незнакомыми людьми: то представлялось сотрудницей секретной научной лаборатории и убеждала, что на сегодня объявлен конец света, а она обзванивает население, чтобы предупредить; то называлась радиодикторшей и просила людей что-

нибудь спеть в трубку – дескать, эта запись затем пойдёт в эфир... Шурик и Даня изо всех сил зажимали себе рты ладошками, чтобы не расхохотаться и не испортить малину.

Но чаще всего Светка разыгрывала людей прямо на улицах, лицом к лицу. Подбегая к какому-нибудь прохожему, имеющему простую и добрую физиономию, Светка делала жалостливые глаза и, кося под иностранку, лепетала на английском вперемешку с ломаным русским:

– I am sorry, little question... Ви не знать, где йесть Первомайская-стрит?

Самое удивительное, что ей верили! Девчонке, малолетке – но верили! Она была ужасно убедительна в своей растерянности. Искренне желая помочь юной заблудившейся иностраночке, прохожие активно пытались объяснить дорогу до «Первомайской-стрит»:

– Лефт, потом прямо, потом снова лефт энд зе райт!

На самом деле, иностранные граждане в их городке не были таким уж редким явлением. В Речном сохранилось множество исторических построек, дворянских усадеб и прочих памятников старины, поэтому сюда привозили целые группы туристов прямиком из Москвы. Наверное, прохожие думали, что Светка отбилась от одной из таких групп, отстала от экскурсовода и потеряла родителей из виду.

В тот июньский день, бесцельно шатаясь по улицам, Светка, Шурик и Даня увидели, что их город почтила визитом киногруппа из столицы.

Прямо на набережной была организована съёмочная площадка. Возле хлипких ограждений толпилась толпа зевак, помощник режиссёра что-то яростно и нервно выкрикивал в свой мегафон, актёры суетились и шумно ссорились, а сам режиссёр сидел чуть поодаль на складном стульчике и, сложив руки на груди, отстранённо наблюдал за процессом, словно не имел к нему ни малейшего отношения.

В голове Шурика промелькнула безумная идея.

– А слабо тебе, Свет, – сказала она, сверкнув глазами, – режиссёра надурить?

Подруга чуть-чуть наморщила лоб.

– В каком смысле?

– Ну, как обычно: ай эм сорри, я потерялась, где есть Первомайская-стрит...

– Да брось, – вмешался Даня. – Это же москвичи, к тому же киношники. Их на такое не купишь.

– Слабо, значит, – с притворной скорбью вздохнула Шурик. – Ну да, я понимаю... Одно дело – местных дурачков разыгрывать. А совсем другое – важных и серьёзных людей...

Светка оскорбилась – неужели её подозревают в том, что она испугалась? Неужели сомневаются в её профессионализме?

– Да запросто! – тряхнув волосами, объявила она, сама обмирая от своей наглости и храбрости.

– Не сходи с ума! – попытался было вразумить её Даня, но Светку уже захлестнул азарт: пусть друзья не думают, что ей это не по силам!

Через пару минут она уже подбегала к режиссёру, стараясь от волнения не забыть вызубренный наизусть текст.

И вот здесь Светку ожидал сокрушительный провал, поскольку режиссёр оказался англоговорящим. Да ещё как говорящим! В ответ на её вопрос он расплылся в широкой улыбке и разразился такой длиннющей тирадой на великолепном английском, что Светка со страху ничегошеньки из неё не поняла: её словарный запас был слишком скуден для этого.

– What happened? – поинтересовался режиссёр, делая невинные глаза. – Do you have some problem? Don't you understand?

Светка смешалась – её скромных школьных знаний едва хватило на то, чтобы промямлить:

– Андерстэнд, сэнк ю...

Меньше всего она рассчитывала на подобное развитие событий и уж точно не готова была вести живой диалог на английском языке, поскольку привыкла, что обычные люди, как правило, теряются, слышав иностранную речь.

– Ну что? – спросил режиссёр по-русски, добродушно рассмеявшись. – Дар речи потеряла?

– Не потеряла, – сердито буркнула Светка, краснея до корней волос. – Просто... пошутить захотелось.

– Я уже понял. Шутница, – он продолжал улыбаться, внимательно её рассматривая. – А знаешь, мне нравится, как ты держишься. Очень раскованно и артистично. В бесстрашии тебе не откажешь.

– Спасибо... – пробормотала она растерянно, не зная, как реагировать. А режиссёр тем временем вырвал листочек из записной книжки и нацарапал там карандашиком несколько цифр.

– Это мой рабочий телефон, – сказал он. – Видишь ли, у меня в проекте один детский фильм, и в настоящее время мы как раз заняты поиском главной героини. В Москве сейчас проходят кинопробы. Пусть твои родители позвонят мне как можно скорее – лучше прямо завтра – и запишут тебя на ближайшее время. Мне почему-то кажется, что ты здорово нам подходишь. В тебе чувствуется потенциал.

– Меня что, – цепenea от ужаса и восторга, неверяще уточнила Светка, – берут сниматься в кино?

– Пока ещё не берут, – улыбнулся он, охлаждая её пыл, – но приглашают попробовать свои силы.

– Но это же вы решаете, подхожу я вам или не подхожу. Вы же главный! – в Светке проснулась отчаянная наглость. – Стоит вам сказать одно только слово – и...

Режиссёр хмыкнул.

– Ну, в общем-то, по большому счёту... скажем так – решаю не я один. На это есть специальная комиссия. Художественный совет. Но к моему мнению, определённо, прислушиваются. Так что, если перед камерой ты проявишь себя должным образом – есть реальный шанс заполучить эту роль. Поэтому, пожалуйста, передай родителям, чтобы не мешкали. Пусть обязательно мне позвонят и договорятся о пробах. Я буду ждать! – и не удержался от шпильки, ехидно добавив напоследок:

– Good luck, see you!

– ...И тут он такой и говорит: «В тебе чувствуется огромный потенциал и удивительный талант!» – ликовала Светка, делясь с друзьями подробностями своей беседы с режиссёром и немного привирая на радостях. – Прямо так и сказал: «Ты умная, красивая и находчивая... сразу видно, что идеально подходишь на главную роль в моём новом фильме!»

Даня тихо сиял, радуясь за подругу и утвердительно кивая: конечно-конечно, она и умная, и красивая, и талантливая... лучшей кандидатуры на главную роль и впрямь не найти. Шурик же отчаянно завидовала, пытаясь это скрыть и улыбаясь напряжённой натянутой улыбкой.

Они всегда негласно соперничали друг с другом. И если Шурик производила на окружающих впечатление в основном своей красотой, более утончённой и нежной, чем у подруги, то Светка брала напором – недюжинным обаянием и живой непосредственностью. Вслух девочки не признавались в этом, но в глубине души каждая знала, что ведёт постоянную упорную борьбу за лидерство.

Если Светка исполняла песню на школьном концерте, то Шурик обязательно выступала у себя в школе с зажигательным танцем. Когда Шурик рассказывала стихотворение на уроке литературы, то Светка заучивала прозаический отрывок из какого-нибудь классического произведения и с выражением читала его в классе, заставляя учительницу млеть от восторга. Если же Светка радовала одноклассников пародиями на известных артистов и певцов, то Шурик неизменно блистала с шутливыми монологами из репертуара Райкина или Хазанова. А затем они обе, тщательно скрывая нотки ревности в голосе, рассказывали друг другу о своих успехах и о том, как их принимал публика. Правда, мотивы подобного поведения у обеих были разными. Шурик просто жаждала быть в центре внимания, ей нравилось сиять – в этом она, как две капли воды, походила на свою мать. Для Светки же сама сцена была наркотиком. Да, всеобщее восхищение, поклонение и аплодисменты – это прекрасно, но перевоплощение было интереснее всего: воображать себя кем-то другим, проживать с этим другим новую жизнь... о, как это приятно и волнующе!

Вот и сейчас, глядя на окрылённую подругу, Шурик терзалась муками зависти и ревновала к её успеху: огорчало даже не то, что Светка, возможно, получит главную роль в кино, а то, что ей представилась уникальная возможность обрести славу и любовь зрителей.

Ввалившись домой и мечтая поскорее поделиться с родителями и братом сногсшибательной новостью, Светка с порога почувствовала, что атмосфера накалена до предела. В воздухе явственно пахло бурей. Мама скорбно восседала на диване и демонстративно тёрла виски пальцами, показывая, что у неё разболелась голова.

– Что-то случилось? – осторожно спросила Светка, присаживаясь на краешек дивана и лихорадочно прикидывая, не она ли виной маминому плохому самочувствию, не накосячила ли чего, сама того не желая. Вроде бы, за хлебом сходила, посуду вымыла... Что ещё?

– Случилось, – устало выдохнула мать. – Спроси об этом у своего брата!

Светка незаметно перевела дух: значит, дело вовсе не в ней, а в Тёме...

– Что он натворил сегодня?

– Сегодня, – усмехнулась мама горько. – Да он только и делает, что творит... с самого своего рождения. Господи, как же я устала! Я больше не могу. У меня просто нет сил... А он... он... сидит сейчас, как ни в чём ни бывало, спокойно диафильмы смотрит... Ну как можно быть таким бесчувственным?!

Выяснилось, что Артемий сегодня был в ударе: и в детском саду, где на него наперебой жаловались воспитатели и даже заведующая, а вот теперь и дома.

– Он постоянно плачет. Несколько раз в день, на ровном месте – навзрыд, с завываниями, – принялась жаловаться мать. – Я больше не могу это видеть и слышать. До трясучки не могу! Мне его башкой об стенку стукнуть хочется уже, честное слово...

– Не надо об стенку! – перепугалась Светка и невольно покрепче прижала к себе братишку, который выбежал из другой комнаты ей навстречу, чтобы поздороваться.

– Нормальные дети не устраивают сцен по таким ничтожным поводам! – с надрывом закричала мама, моментально выходя из себя. – Сегодня в саду он ревел так, что заведующая отвела его в медпункт, и там его отпаивали валерьянкой... Нормально?! Жаль, в психушку не позвонили, я была бы обеими руками «за», – бросила она в сердцах.

– А... почему ревел-то? – осторожно уточнила Светка. Мама махнула рукой:

– Да во время прогулки кто-то из детей кинул в него мячиком. Попал в плечо. Всё нормально, даже синяка нет. Но по этому поводу у Артемия приключилась полномасштабная истерика... Воспитатели и заведующие до сих пор в шоке: они, наверное, спят и видят, когда, наконец, мы перейдём из сада в школу.

– Может быть, он просто испугался.. – робко заступилась за Тёму Светка. Мать её как будто не слышала. Она выплёскивала наружу все свои старые обиды, застоявшуюся боль и накопившуюся усталость.

– Дома он рыдал, потому что не хотел мыть руки, а хотел сразу есть! Потом хотел смотреть мультики, а их в программе не было – получите очередную истерику!.. Потом стукнулся ногой о ножку стула – рыдал. Потом не смог найти свою красную машинку, а я искать отказалась, мне нужно было готовить ужин – снова рыдал. Попросила навести порядок в своём ящике с игрушками – а он хотел смотреть диафильмы, поэтому опять рыдал... Да что же это такое! Он мальчик! Ему этой осенью уже в первый класс идти... – она в бессилии уронила руки вдоль тела. Во время всего этого монолога Тёма вёл себя так, будто сказанное не имеет к нему никакого отношения: весело вертел головой и улыбался сестре, по которой успел соскучиться за день.

Светка решила, что ей пора разрядить атмосферу и поделиться, наконец, грандиозной новостью.

– Мама, – выпалила она, чуть дыша, – знаешь, что?.. Меня пригласили в Москву на кинопробы!

Женщина никак не отреагировала на это потрясающее известие, продолжая сидеть, уставившись в одну точку, и машинально растирать виски.

– Ты слышишь, о чём я говорю, мам? – нерешительно уточнила Светка. Мать как будто опомнилась и перевела на неё рассеянный взгляд.

– Что ты сказала?

Светка, осторожно подбирая слова, пересказала ей свой диалог с режиссёром, умолчав, впрочем, о том, что поначалу прикинулась иностранкой. Мать отнеслась к её рассказу с обидным пренебрежением.

– Да какие кинопробы, что за бред! И ты поверила? Не забивай себе голову этой ерундой, – фыркнула она. – А вообще, мне не нравится, что ты вступаешь в разговоры с незнакомцами на улице.

– Это не ерунда! – возмутилась Светка. – Он самый настоящий режиссёр из Москвы! И он мне свой рабочий телефон оставил. Велел, чтобы ты позвонила...

– Велел, – криво улыбнулась мать. – А больше он ничего не велел, случайно? У меня и так забот полон рот – и дома, и на работе... плюс проблемный ребёнок... а ты говоришь – кинопробы. Господи, какие кинопробы, ну что за откровенная чушь, Светка! Тебе почти двенадцать лет, а ты всё ещё веришь в сказки. Ты действительно считаешь, что можно вот так, запросто, пригласить в кино первую попавшуюся девчонку с улицы?!

Заметив, как вытянулось лицо дочери, она опомнилась и попыталась сгладить впечатление от своих жёстких категоричных слов. Протянув руку, мама ласково погладила Светку по растрепавшимся волосам.

– Ну ты же понимаешь, дочур, что я не могу сейчас вот так всё бросить и сорваться с тобой в Москву на кинопробы. У меня куча дел, которые никто, кроме меня, не переделает... Да и несерьёзно это всё. Даже если режиссёр настоящий, и его предложение было искренним... Понимаешь ли ты, сколько у этих киношников таких, как ты?! Или ты думаешь, что без твоего участия они не смогут обойтись и фильм просто-напросто не снимут?..

Светка промолчала. Она так, конечно же, не думала. Но ей ужасно хотелось попробовать свои силы! Пусть она не незаменимая, но ведь способная! А вдруг у неё получилось бы?..

Да только теперь, конечно же, она этого никогда не узнает. Стало совершенно ясно, что мать не собирается поддерживать её в этой аванюре. А самостоятельно, без помощи, Светке никак не справиться...

Поздно вечером, уже лёжа в постели и украдкой глотая слёзы разочарования, Светка услышала, как зазвонил телефон. Мать сняла трубку, и некоторое время Светка бессознательно прислушивалась к невнятному бормотанию, доносившемуся из прихожей. Судя по отдельным репликам, звонила тётя Люба Кострова. Несколько раз прозвучали слова «Москва» и «кино-пробы». Очевидно, Шурик уже растрепала матери эту новость. Светка с досады изо всех сил укусила уголок подушки. То-то подруга порадует и позлорадствует, что ничего не вышло!

Телефонный разговор продолжался около получаса. Мать поначалу горячо спорила, а затем, уступая тёте Любе, начала поддакивать и соглашаться на что-то. Затем, попрощавшись с подругой, мать долго ссужалась с отцом на кухне. Светке надоело прислушиваться – всё равно ни черта не понятно.

Она уже начала клевать носом, потихоньку уплывая в сон, как вдруг в комнату зашла мама.

– Спишь? – спросила она негромко. Светка тут же подскочила на постели с бешено колотящимся сердцем.

– Нет, а что?

– Ты правда хочешь поехать на эти кинопробы? – спросила мама, задумчиво вглядываясь в полутьме в лицо дочери. Стараясь не выдать своего волнения, чтобы не спугнуть лучик забрезжившей надежды, Светка передёрнула плечами:

– Конечно, хочу.

– В общем, так, – сказала мать, присаживаясь на её кровать, – сама я с тобой по-прежнему поехать не смогу... Но тётя Люба согласилась сопровождать тебя в Москву. Она и Сашку свою возьмёт, за компанию, чтобы тебе не скучно было. Съездите на денёк и вернётесь. Я, конечно, уверена, что вы просто зря потратите время... Но хоть по Москве погуляете, верно?

Светка взвизгнула от восторга, не в силах больше сдерживаться и не заботясь о том, что может разбудить Тёму, и бросилась к матери на шею.

За свои неполные двенадцать лет Светка успела побывать в Москве дважды.

В первый раз (девочке было тогда пять лет) она ездила с мамой, но практически ничего не запомнила, кроме длиннющего эскалатора в метро и озабоченной беготни по магазинам – ГУМ, ЦУМ... Мама взяла с собой целый список того, что необходимо было купить в столице. Ну, а в оставшееся до вечерней электрички время они немного прогулялись по Красной площади, но даже в Мавзолей заходить не стали – вот и все впечатления.

Во второй раз отправились в Москву всем классом, на осенних каникулах. Светку с самого начала дороги немного укачало в школьном автобусе. Как назло, этот автобус затем ещё долго возил их с большой обзорной экскурсией по городу, поэтому Светка плохо осознавала, что им показывали в тот день – основные усилия она прикладывала к тому, чтобы её банально не стошнило.

И вот теперь ей снова выпал шанс увидеть столицу. Да ещё по какому грандиозному поводу – кинопробы на «Мосфильме» у самого Николая Романовского! Мама, к слову, чуть в обморок не упала, когда дозвонилась по указанному на бумажке номеру и поняла, в чью приёмную попала. Она и помыслить не могла, что её дочь пригласил сниматься в кино этот известный режиссёр! Светке, дурище, имя Романовского ни о чём не говорило – она интересовалась только актёрами, а не режиссёрами. Но судя по тому, как изменилось мамино лицо, с каким недоверчивым уважением и даже благоговением она взглянула после телефонного звонка на дочку – Светке неслыханно повезло.

Имя Романовского произвело впечатление и на тётю Любу Кострову. Она немного досадовала, что Шурик не проявила смекалку и первой не подошла к режиссёру. Ведь – тётя Люба была в этом абсолютно уверена – её дочь достойна того, чтобы появиться на экране, не меньше, а то и больше, чем эта несерьёзная и взбалмошная Светочка Звёздная... Но ещё не всё поте-

ряно, убеждала она себя. Они едут на «Мосфильм», и уж там-то тётя Люба использует все свои возможности, чтобы добиться аудиенции и для Шурика тоже. Её дочка тоже талантлива, она вполне сможет сыграть в кино! А уж внешностью её бог тем более не обидел – она куда более яркая и эффектная, чем её подружка.

Разумеется, все эти тайные помыслы тётя Люба пока предпочла держать при себе. Даже Шурик не подозревала, что мать уже решила её судьбу, когда ранним утром, собираясь на электричку, она старательно накручивала девочке локоны, а также погладила ей самое лучшее, самое нарядное платье. Александра должна выглядеть просто неотразимо, чтобы режиссёр с первого взгляда понял – вот та самая актриса на главную роль, поисками которой он занят!

Нет, тётя Люба не ждала откровенного Светкиного провала. Но всё-таки, как каждая нормальная и любящая мать, она всем сердцем, всею душой болела именно за своего ребёнка. Ей искренне нравилась подруга дочери, ведь она знала её ещё с роддома – с того самого дня, когда случайные соседки по палате, Звёздная, Кострова и Шульман, одновременно произвели на свет своих младенцев и сдружились. Светка была ей как родная... ну, само собой, не как дочь. Но как минимум – племянница. И конечно же, тётя Люба не желала ей зла. Просто... добра для любимой Александры ей хотелось чуточку больше.

Электричка приехала в Москву ранним утром, а встреча на киностудии «Мосфильм» была назначена на три часа дня. Тётя Люба предложила девочкам для начала доехать до Красной площади, затем немного прогуляться по центру, а после прогулки затащила их в «Детский мир».

Это был даже не магазин – а настоящий музей! Именно так показалось ошалевшей и потерявшей дар речи Светке. Шурик уже бывала здесь раньше с матерью, поэтому восприняла визит более спокойно, чем подруга. Светка же долго не могла отойти от шока и восторга. Господи, чего тут только не было! Сколько отделов, в которых продавалось буквально всё: от одежды до игрушек! А какие красивые куклы, какие нарядные, с какими чудесными причёсками!.. Светка вздыхала украдкой, косясь на ценники – самая простая кукла стоила здесь, ни много ни мало, три рубля. У Светки как раз и была с собой трёшка – мама дала на непредвиденные расходы. Однако купить куклу означало потратить в один момент все сбережения. А деньги ей могли ещё пригодиться... Тем более, Светка обещала Тёме, что непременно привезёт ему из Москвы какой-нибудь подарок. Она не могла подвести братишку, обманув его ожидания.

После посещения «Детского мира» они снова спустились в метро и поехали на ВДНХ – тем более, Мосфильм располагался неподалёку. И снова – море счастья, восторга и упоения: девочки угощались вкуснейшим эскимо, пили газировку с сиропом и катались на аттракционах. По простоте душевной Светка даже не обратила внимания на то, что тётя Люба совершенно не делает ей замечаний: не пачкать и не мять платье, не капать на подол мороженым, не хвататься руками за причёску, чтобы не испортить её... Зато Шурику постоянно доставалось от матери: тётя Люба придирчиво следила за тем, чтобы внешний облик её дочери оставался близок к идеалу, чтобы ничего его не портило – ни малейшее пятнышко на наряде, ни липкие от сиропа губы. Она хотела, чтобы Александра предстала на встрече с режиссёром в своём наилучшем виде.

В конце концов, тётя Люба даже запретила дочери идти на очередной аттракцион – зачем напрасно волосы лохматить.

– Ты, Светочка, если хочешь, одна покатайся, – любезно предложила она дочкой подруге. – Купить тебе билет? А Александра пока вот тут посидит, на скамеечке, её что-то немного мутит после всех ваших каруселей...

Шурик вскинула на маму удивлённые глаза: её ни капли не мутило. Однако, наткнувшись на красноречивый взгляд в ответ, девочка предпочла притихнуть, хоть и не понимала, зачем матери это враньё и чего она добивается.

Всё разъяснилось уже на киностудии.

Когда, получив на проходной выписанные им заранее пропуска, девочки с тётей Любой проследовали к нужному павильону, женщина сочла своим долгом проинструктировать дочь и Светку:

– Если что, Светочка, скажешь, что я твоя тётя, а Александра тебе – двоюродная сестра. Поняла?

– Почему? – удивилась Света.

– Почему, почему... – немного раздражённо отозвалась тётя Люба. – Потому что так положено! Ты не можешь явиться сюда с чужими людьми. А если мы родня – все вопросы отпадают.

Режиссёр вышел им навстречу и сразу же узнал Светку.

– А-а-а, знакомые все лица! Good afternoon, little lady, how are you? – шутливо поприветствовал он её по-английски. Светка стушевалась и промямлила:

– Здрасьте...

– А вы, значит, мама? – режиссёр взглянул на Кострову.

– Я её тётя, мамина сестра, – подобострастно улыбаясь, защебетала женщина. – Мать занята, сама не смогла приехать. Вот меня и послала...

– А это у нас кто? – он с интересом перевёл взгляд на Шурика. Тётя Люба расцвела.

– А это моя дочь, Светочкина сестрёнка... двоюродная. Очень талантливая, очень способная девочка!

– Я вижу, способности – это у вас семейная черта? – весело улыбнулся режиссёр. Тётя Люба решила ковать железо, пока горячо.

– Она и правда способная! Может, посмотрите и её тоже, Николай Степанович?..

Шурик в изумлении раскрыла рот и уставилась на мать. Посмотреть – её? Она же не собиралась... и даже не готовилась... Светка тоже выглядела несколько удивлённой.

– Почему бы и нет, раз уж приехали, – легко согласился режиссёр. – Но сначала – Свету, как и договаривались.

В съёмочном павильоне девочку тут же подхватили под белы ручки и повели за ширму на переодевание и грим, оставив тётю Любу и Шурика дожидаться в так называемом «предбаннике». Светка не ожидала, что всё будет так серьёзно, и даже чуточку заробела. Ей выдали платье – летнее, лёгкое, совершенно простое, даже довольно потрёпанное. Сандалии разрешили оставить свои. А вот косы расплели, и немилосердно взлохматили затем распущенные волосы. Потом гримёрша прошла по Светкиному лицу губкой, придавая коже более тёмный оттенок, создающий иллюзию загара. После этого в руки девочке сунули листок с текстом и великодушно выделили минут десять-пятнадцать на то, чтобы его заучить.

От волнения в горле у Светки как будто завёлся дикобраз. Ей мучительно хотелось прокашляться, но она стеснялась. Попросить воды тоже было не у кого. Она отчаянно пыталась подавить спазмы – в горле немилосердно першило – и почти в истерике вглядывалась в строчки своей роли: буквы совершенно не хотели складываться в слова, поэтому смысла Светка уловить так и не смогла, как ни пыталась. Она понимала, что просто жутко перенервничала, но понятия не имела, как с этим справиться. Ей было страшно и одиноко в этом закутке, где её оставили для подготовки, а ещё почему-то дико стыдно – непонятно, правда, перед кем именно: перед режиссёром? Перед самой собой?

– Привет, – раздался голос над ухом, и Светка чуть не заорала от неожиданности, поскольку пребывала в панике и не замечала никого вокруг. Перед ней стоял незнакомый мальчишка. Высокий, загорелый, симпатичный... Пожалуй, его даже можно было назвать красивым – если бы не чуть высокомерное выражение лица. Его тёмные глаза смотрели так, будто он был хозяином всего «Мосфильма», и Светка тоже являлась его собственностью.

– Чего тебе? – прохрипела она недовольно: ей было не до разговоров.

– Это ведь ты на Анфиску пробуешься? – не обращая внимания на её тон, он присел рядом.

Светка мельком покосилась в свой листочек с текстом. Да, там действительно было написано «Анфиса».

– Ну, я, допустим. А что?

– Да ничего, – он откровенно посмеивался над её враждебностью. – Эту сцену мы с тобой вдвоём играем, значит. Я тебе реплики подаю, ты отвечаешь.

Светка взглянула на него с интересом.

– Ты тоже на кинопробы пришёл?

Он расхохотался.

– Ну какие пробы! Меня уже давно утвердили на эту роль. Сегодня я здесь лишь для того, чтобы помогать тем, кто ещё только пытается...

– Подумаешь, – Светка сделала вид, что это ей глубоко безразлично, но на самом деле невольно позавидовала. Мальчишка, в свою очередь, сделал вид, что не заметил изменившегося выражения её лица.

– Меня, кстати, Иван зовут.

– Светк... Светлана, – с достоинством откликнулась она, даже не подозревая, что перед ней стоит сын режиссёра собственной персоной, и если она будет с ним достаточно мила и приветлива – он убедит отца отдать роль именно ей. Впрочем, Светка не привыкла жульничать и искать обходные пути. Она играла только честно, по правилам...

– Ну что, – предложил Иван дружелюбно, – давай, может, порепетируем? Пока можешь подсматривать, но перед камерой придётся этот отрывок наизусть шпарить.

– Ладно, давай, – вздохнула Светка и заглянула в текст. – Тогда ты начинаешь.

Иван перестроился мгновенно – она даже не сразу поняла, что он уже играет.

– Вот ты вроде неплохая девчонка. И даже где-то симпатичная, – он снисходительно изогнул бровь, и Светку чуть не стошнило от этого высокомерия, вновь проступившего в чертах лица мальчишки. – Но такой у тебя, Анфис, честное слово, ветер в голове гуляет...

– Лучше уж ветер в голове, чем просто чёрная дыра, – мгновенно отбрила его она, тут же закипая. – У тебя же, Леднёв, вообще своих мыслей нет. Всё цитаты из учебников, шаблоны и формулы... Ты и сам – ходячая формула! – она презрительно фыркнула.

Иван взглянул на неё с удивлением и, забыв о своей роли, уважительно заметил:

– А знаешь... очень даже неплохо. В экспрессии тебе не откажешь. Снималась раньше?

Светка растерялась от этой неожиданной похвалы и чуть-чуть покраснела.

– Нет, я... нигде и никогда, – пробормотала она, неуклюже выходя из образа. – Сейчас первый раз.

– Для новичка вообще гениально, – заявил он на полном серьёзе. Эта похвала воодушевила Светку настолько, что она и думать забыла о том, что ещё пару минут назад находила Ивана высокомерным. Настроение её улучшилось, и даже текст запомнился с лёту – уже со второй репетиции она совершенно перестала подсматривать в бумажку.

Сами пробы – съёмки эпизода на кинокамеру – прошли быстро и совсем не страшно. Возможно, заручившись поддержкой Ивана, Светка откинула в сторону неуверенность в себе, раскрепостилась и расслабилась. А может, там и в самом деле не было ничего сложного: поду-

маешь, с выражением произнести несколько фраз... Было видно, что режиссёр остался доволен, хоть и не сказал ничего конкретного. Оператор же незаметно поднял кверху большой палец и одобрительно подмигнул Светке – и она буквально воспарила от осознания собственной крутости.

– Мишаня, давай-ка ещё немного поснимаем... – обратился Романовский к оператору. Светка подумала, что её сейчас заставят учить новый отрывок, но оказалось, что режиссёру просто нужны были её живые эмоции – разные, но естественные. Это было отличительной особенностью Романовского: он не просто заставлял своих актёров зубрить роль, но и жаждал видеть, как они разговаривают, импровизируя прямо перед включённой камерой. Многие его коллеги закатывали глаза и крутили пальцем у виска на такой странный подход, однако Романовский продолжал делать так, как считает нужным.

Снова застрекотал мотор кинокамеры.

– Света, – ласково попросил её режиссёр, – Расскажи нам, пожалуйста, о каком-нибудь возмутительном случае, который буквально вывел тебя из равновесия. Первое, что вспомнишь. Что в голову придёт!

– Ой, – живо откликнулась Светка, – у нас в соседнем дворе такие дураки мальчишки... Дураки и живодёры! Я неделю назад шла, смотрю – они котёнка мучают. Вообще идиоты! – её глаза гневно засверкали. – Ну, я и высказала им всё, что думаю. А один схватил кирпич – и ка-а-ак запустит в меня, и кирпич ка-а-к прилетит мне прямо в башку!!! Кровища хлестала! – добавила она чуть ли не с гордостью.

В павильоне на несколько секунд воцарилась тишина.

– И... чем дело кончилось? – осторожно спросил наконец Романовский.

– Да чем... Даня мне потом рану обработал... Даня – это мой друг, – пояснила она, спохватившись. – Сказал, что ничего опасного, даже швы не придётся накладывать. Так что мама ничего и не заметила. А то бы мне влетело! – заключила она со вздохом.

– А с котёнком-то что? – не выдержал оператор.

– Отбила, – Светка разулыбалась. – Мы потом его с Даней в хорошие руки пристроили, одной соседской старушке.

– Прекрасно. Отважная ты личность, Света. А можешь теперь... – режиссёр потёр подбородок, на мгновение задумавшись, – рассказать что-нибудь смешное, ну или совершенно нелепое?

Светка и тут не стала долго размышлять.

– У меня есть одноклассница, Надька Ходкова, – заговорщически поделилась она, делая круглые глаза и заранее прыскавая в кулачок. – Её квартира как раз над нашей. На третьем этаже. Так вот, когда Надькиной матери нужно готовить, она сажает Надьку на цепь на балконе и уходит на кухню.

– Почему – на цепь? – оторопело поинтересовался Романовский.

– Да чтобы не упала! – пояснила ему Светка, как несмышлёнышу. – А ведь Надьке уже целых двенадцать лет!!!

– Безобразие, – возмутилась гримёрша. – Могу себе представить моральное состояние ребёнка...

– Да нет, нормально, – отмахнулась Светка. – Надька же понимает, что это не наказание, а ради её безопасности. Она там сидит и вечно песни орёт на весь двор!

...Ржали все. И режиссёр, и оператор, и даже гримёрша вытирала платочком выступившие слёзы.

– Молодец, – отсмеявшись, произнёс наконец режиссёр. – Спасибо тебе, Света. Можешь идти переодеваться в свою одежду. И позови сюда сестрёнку...

Светка вышла из павильона крайне озадаченной – она так и не поняла, понравилось её выступление Романовскому или нет, прошла ли она эти кинопробы, ведь финального вердикта

так и не прозвучало. Обидно, что Иван тоже куда-то подевался из виду, иначе она бы поинтересовалась его мнением на этот счёт. Мальчишка выглядел вполне подкованным в области киносъёмок – наверняка ему уже ясно, провалилась она или выступила с успехом. И если каких-то полчаса назад Светка была преисполнена уверенности, что всё идёт просто прекрасно, то сейчас накрутила себя до того, что всерьёз засомневалось: а был ли он, этот успех? Быть может, она его себе просто придумала? Обычное дружелюбие и расположенность приняла за признание своего таланта?..

– Ну, как всё прошло? – бросилась к ней тётя Люба. – Что делать заставляли? Стихи рассказывать? Петь, танцевать?

– Пусть Шурик зайдёт – её уже ждут, – рассеянно откликнулась Светка, думая о своём. – Там всё и узнает.

Шурика продержали в павильоне недолго. Всё это время, ожидая возвращения дочери, тётя Люба не сказала Светке ни слова. Она нервно покусывала губы, вскакивала с места и принималась бегать туда-сюда, с хрустом выламывая себе пальцы – так сильно переживала за дитятко.

Уже минут через двадцать Шурика выпустили на волю.

– Так быстро? – удивилась Светка тоном бывалой особы, на собственной шкуре познавшей, что происходит там, внутри.

Оказалось, подругу попросили прочесть несколько строчек роли – и всё на этом. Никаких дополнительных вопросов, никакого вывода на эмоции, просто «спасибо – до свидания». Ей, как и Светке, не стали озвучивать окончательного решения, поэтому тётя Люба пыталась вытянуть из дочери хотя бы намёки на её дальнейшую судьбу.

– Как они выглядели?.. Довольными? Сердитыми? Режиссёр улыбался или хмурился? А оператор?.. Если не стали тебя надолго задерживать... это означает, что ты им сразу и безоговорочно подошла, или наоборот – что ты совершенно безнадежна?

– Мам, да не знаю я, – немного взвинченно отмахнулась Шурик; она тоже порядком перенервничала. – Сказали, что в случае чего позвонят. А вот из-за причёски, кстати, ругали, – обиженно вспомнила она. Тётя Люба схватила за сердце.

– Как – «ругали»? Почему?

– Да сказали, что накручивать локоны перед кинопробами – это глупо. Ну, то есть, не прямо мне сказали, но между собой тихонько перешёптывались, а я услышала. Говорили, что им в фильме нужна живая и озорная девчонка, а не фарфоровая кукла.

Тётя Люба покосилась на взлохмаченную Светкину шевелюру с откровенной досадой.

– Ладно... – процедила она сквозь зубы. – Чего уж теперь... Подождём обещанного звонка. Может, всё ещё устроится.

Не говоря больше друг другу ни слова, они молча зашагали по направлению к проходной.

Уже почти на выходе их догнал запыхавшийся Иван.

– Вот, ты оставила на стуле, – он протянул Светке её резинки для волос.

– Ой! – обрадованно спохватилась девочка. Эти резинки были её любимыми, с весёлыми пластмассовыми ромашками. – Спасибо! Вот я растяпа, вечно всё забываю...

– Ну ничего, – улыбнулся Иван. – Значит, ты к нам ещё вернёшься: примета такая...

Шурик тоже обрадовалась Ивану – этот юный джентльмен умел производить на девчонок неизгладимое впечатление с самого первого взгляда. Тётя Люба же моментально просекла его акцент на фразе «вернёшься к нам», безошибочно сделав вывод о принадлежности мальчишки к миру кинематографа.

– Это Ваня. Мы с ним вместе текст перед камерой читали, он тоже актёр, – похвасталась Шурик, подтверждая догадки матери. Та мгновенно сделала охотничью стойку, не обра-

щая внимания на то, что Ивану, кажется, совершенно не понравилось то, что его представили банальным Ваней.

– Послушай, дружок, – ласково обратилась она к мальчугану, – может быть, ты в курсе, как там всё прошло с моей дочкой? Я имею в виду, сами пробы... Она справилась? Ведь ты же наверняка понимаешь в этом.

Иван замялся. По его лицу было заметно, что, с одной стороны, он не горит желанием разбалтывать секреты внутренней киношной кухни, в которой по праву считает себя своим. А с другой стороны – ему хотелось продемонстрировать, что он тоже не последний человек на съёмочной площадке.

– Откровенно говоря, – придавая голосу нарочито пренебрежительный тон, но явно рисуясь, проговорил он, – я думаю, что Света нам подходит на сто процентов. А вот Саша нет.

– Почему это? – вспыхнула тётя Люба. Светка тоже вспыхнула – правда, по другой причине: от радости, неожиданности и смущения. Неужели её правда возьмут сниматься?!

– Ну, только это сугубо между нами, вы понимаете... – Иван продолжал рисоваться, используя взрослые словечки и выражения. – Камера Сашу не любит, уж извините, так что – как киноактриса она абсолютно бесперспективна. Оператор сказал, что у неё лицо плоское, совершенно невыразительное. Несмотря на то, что по жизни она очень даже симпатичная, – постарался он напоследок подсластить пилюлю. Шурик, несмотря на безжалостный уничижительный приговор, невольно зарделась от удовольствия. Удивительно, с какой лёгкостью Иван это произнёс! Да все их знакомые мальчишки-ровесники предпочли бы скорее откусить себе язык, чем так откровенно признать кого-нибудь из девочек симпатичной.

Тётя Люба даже не пыталась скрыть охватившего её отчаяния, смешанного с горечью разочарования и рухнувших надежд. «Мальчишка... сопляк! – думала она со злостью. – Разболтался тут! Да что он может понимать в этих делах? Там что-то подслушал, тут где-то ухватил...» Нет, это определённо какая-то ошибка. Никто не мог так сказать про Александру. Она не просто симпатичная – она писаная красавица, куда там прощелыге Светке!

Едва сдерживаясь, чтобы не сорвать злость на подруге дочери, тётя Люба ровным голосом попрощалась с Иваном и велела девочкам следовать за ней.

В этот момент к проходной лихо подкатили новенькие «Жигули». С водительской стороны выскочил молодой мужчина и, обежав машину спереди, любезно распахнул дверцу перед пассажиром. Точнее, пассажиркой. Тётя Люба невольно ахнула, моментально узнав обоих: это были известные киноактёры Мирон Андреев и Раиса Голубкова.

Андреев с удовольствием поздоровался с Иваном и даже пожал ему руку. Все его движения были какими-то стремительными, лёгкими и невероятно пластичными. Обаяние хлестало из него во все стороны настоящим фонтаном. Мальчишка же принял знак внимания популярного артиста как должное. Мало того – он ещё панибратски поздравил пару с недавним бракосочетанием.

Андреев скользнул по остальной компании мимолётным взглядом, понял, что они незнакомы, вежливо улыбнулся и тут же потерял к ним интерес. А вот Голубкова была истинной женщиной – от внимания тёти Любы не укрылось, с каким жадным любопытством артистка рассматривала её нарядную шёлковую кофточку и новые туфли. И этот – даже чуточку завистливый – взгляд прелестной кинодивы стал для тёти Любы каплей целительного бальзама, который чуть-чуть облегчил муки после столь позорного провала её дочери на кинопробах.

В качестве утешения для Шурика (и, должно быть, в отместку Светке) тётя Люба вновь повела их в «Детский мир» перед отъездом и купила дочери самую дорогую, самую красивую куклу из всех имеющихся – Золушку в чудесном бальном платье розового цвета и серебряных туфельках.

Шурик любовалась куклой всю дорогу в электричке. Глядя на её сияющее лицо, тётя Люба старательно давила в себе ростки чернящей зависти, граничащей с ненавистью, по отношению к Светке. Девчонка дура, что с неё возьмёшь... Не она виновата в неудаче Шурика, а идиот оператор и не менее тупой режиссёр. Они сами не знают, что потеряли, отказав её дочери!

Светка тоже давила в себе зависть – по отношению к подруге и её кукле. Она утешала себя тем, что уже взрослая. До кукол ли ей скоро будет? Год, ну два – и всё... И всё же Золушка была невыразимо прекрасна, притягательна, великолепна...

Своими сбережениями Светка распорядилась следующим образом: купила за шестьдесят копеек диафильм «Старик Хоттабыч» для Тёмы и губную помаду («губнушку») для мамы – за рубль. На оставшиеся деньги она приобрела килограмм бананов – всем хватит, даже чтобы папу угостить.

Через пару дней в их квартире раздался телефонный звонок.

Светка совсем извелась за это время. Её то кидало в пучину отчаяния, то несло и мягко покачивало на волнах эйфории. Она передумала все возможные варианты: от «мне не позвонят, потому что я не подошла» – до «мои кинопробы увидели другие знаменитые режиссёры и теперь дерутся друг с другом за право первыми заполучить меня в свой фильм». Она боялась включать телевизор и радио, а также совершенно перестала слушать свои пластинки, чтобы не пропустить долгожданный звонок.

Как назло, мама – да и все домашние – делали вид, будто ничего не происходит. Будто и не ездила Светка в Москву ни на какие пробы... Папа, конечно, спросил для проформы, как оно там всё прошло. Мама же предпочла отмолчаться: то ли потому, что не хотела тешить дочь напрасными надеждами, питая её радужные иллюзии (ведь боль неизбежного разочарования будет очень острой), то ли потому, что изначально ко всей этой затее относилась как к блажи, которую просто необходимо перетерпеть. «Ну, поигралась в артистку – и будет!» – словно говорил её взгляд, устремлённый на девочку.

С Шуриком, по понятным причинам, делиться своими переживаниями ей не хотелось. Что касается Дани, то его родители взяли отпуск и махнули вместе с сыном в Ленинград – на белые ночи. Так что Светке поневоле приходилось в одиночку маяться столь тягостным ожиданием.

Она была дома одна, когда тишину квартиры разорвала пронзительная трель «межгорода». Девочка сразу поняла, что это с «Мосфильма» – почувствовала это всем своим существом, всем сердцем. Стрелой метнувшись к аппарату, она змеиным рывком сорвала трубку, впопыхах чуть не уронив её обратно на рычаг, и взволнованно выдохнула:

– Алло?..

Это был режиссёр. Она сразу узнала его по голосу. Впрочем, он тоже её узнал.

– Света, добрый день. Николай Романовский беспокоит, – представился он таким деловым тоном, что Светка покрылась мурашками от волнения и значимости момента. – Могу я переговорить с твоей мамой?

– Ой, а её дома нет, – расстроено выпалила девочка. – Она ещё на работе...

Возникла секундная заминка.

– Ммм... А кто-нибудь из взрослых есть?

– Я одна, – выдавила Светка убитым тоном, боясь, что сейчас он распрощается с ней и повесит трубку.

– Хорошо, – протянул Романовский, – тогда я перезвоню позже, из дома. Предупреди маму, чтобы, по возможности, никуда не отлучалась часиков с восьми вечера. Кстати, –

словно бы спохватился он, – поздравляю тебя, Света! Ты прошла, художественный совет тебя утвердил.

Несмотря на то, что режиссёр произнёс это вроде бы спокойным, будничным тоном (да для него, наверное, это и были будни – очередная артистка прошла очередные кинопробы, одна из многих), у Светки в животе моментально вспорхнул рой бабочек, щекам стало горячогорячо, в ушах зазвучали фанфары, а перед глазами блестящими гроздьями принялись рассыпаться фейерверки. Она собрала остатки своей выдержки чтобы не завизжать от восторга, не завопить «ура» и не надеть прочих глупостей. Когда она вновь заговорила в трубку, голос её был спокойным, преисполненным чувства собственного достоинства – и это было ой как нелегко: попробуйте-ка сохранять серьёзность тона, когда ваш рот растянут в идиотской счастливой улыбке до самых ушей.

– Спасибо, Николай... – тут она со стыдом поняла, что от волнения забыла отчество режиссёра, и мгновенно перестроилась:

– ...дядя Коля! А что мне теперь нужно будет делать?

– Поначалу кое-что должна сделать твоя мама. На этот раз она не сможет отправить вместо себя сестру – необходимо, чтобы она приехала на киностудию сама и подписала кое-какие бумаги.

Радость, минутой назад бешеным фонтаном взметнувшаяся в Светкиной душе, слегка притухла. Согласится ли мама – вот в чём вопрос... Романовский же, не подозревая о её затруднениях, продолжал вещать:

– ...Ну, ты же понимаешь, что мы должны оформить всё, как положено, по закону. В конце концов, мама будет получать за тебя гонорар...

– Гонорар? – растерянно переспросила Светка. Он засмеялся её наивности и неискушённости в этих вопросах.

– Тебе ведь за фильм ещё и заплатят, представляешь, какая приятность? Ну и потом, уже в конце июля, мы с группой выезжаем на съёмки в Ялту. На месяц.

Светка сжала трубку пальцами так, что они заныли. Это звучало, как сказка. Съёмки в Ялте... месяц на море... чёрт, мама ведь и правда может зарубить всё на корню! Она никогда не одобряла дочкиной тяги к кривлянию и лицедейству.

– Дядя Коля, – осторожно подбирая слова и обмирая от страха, произнесла она. – А что, если мама скажет... ну, вдруг она опять не сможет приехать в Москву?

– Почему? – искренне удивился он.

– У неё совсем-совсем нет времени. Работа и... всё остальное...

Что-то было в её голосе – то ли отчаяние, то ли скрытая мольба – отчего, помолчав немного, режиссёр вдруг произнёс сочувствующим тоном:

– Ты не волнуйся, Светка. Мы обязательно что-нибудь придумаем. Если твоя мама не сможет... что ж, мне придётся самому приехать к вам домой со всеми бумагами и печатями. Это, конечно, несколько против правил, но... я сделаю возможное и невозможное, чтобы у нас с тобой всё получилось, – слышно было, что он завершил свою речь улыбкой, и огромный тяжёлый камень буквально рухнул со Светкиной души.

Мама вернулась домой не одна, а с тётёй Любой: они случайно встретились на улице, и мама пригласила подругу к себе, чтобы выпить кофе и поболтать.

Меньше всего на свете девочке хотелось сейчас видеть мать Шурика, а тем более – беседовать при ней о результатах кинопроб, но... держать в себе потрясающую новость она тоже не могла. Мама с тётёй Любой не успели ещё дойти до кухни, как Светка скороговоркой пересказала содержание своего разговора с режиссёром и замерла, ожидая реакции. Мама оставалась с виду спокойной, а вот тётя Люба заметно переменились в лице.

– Когда, ты сказала, он обещал перезвонить? – наконец, подала голос мама.

– После восьми, – быстро отозвалась Светка и не удержалась от главного мучающего её вопроса:

– Что ты ему ответишь?

Мать опустила на кухонный табурет и принялась задумчиво барабанить пальцами по столу. Заметив её растерянность и колебания – следовательно, окончательное решение ещё не было принято – тётя Люба заметно взбодрилась и сказала, крайне осторожно подбирая слова:

– Лена, это очень серьёзный и ответственный шаг. Подумай хорошенько. Девочке придётся многим пожертвовать, потому что на съёмках у неё начнётся совсем другая жизнь. Это нагрузки, изматывающий график... а что, если из-за этого фильма она опоздает к началу учебного года? Учёбу в школе и работу в кино совмещать полноценно просто невозможно.

Мама продолжала молчать, Светка тоже не проронила ни звука, хотя внутри у неё бушевала настоящая буря. Ну, вот чего эта тётя Люба лезет со своим мнением? Зачем всё портит? Кто её, вообще, спрашивал? Кто нуждался в её советах?

– Ты будешь редко её видеть, – продолжала подливать масла в огонь Кострова. – Или ты собираешься бросить работу, чтобы поехать с дочкой на съёмки? Скорее всего, придётся доверить её жизнь чужим людям... Пораскинь мозгами, стоит ли оно того, – глаза её смотрели с невероятно искренним участием и пониманием, ну просто воплощение доброты, кротости и дружеской поддержки.

Светка напряглась ещё больше.

– Да о чём ты говоришь, Люб, – пожалала плечами мама. Она по-прежнему выглядела совершенно спокойной. – Конечно же, Света будет сниматься в кино. Такой шанс выпадает одной девчонке из целой тысячи! Как можно его упустить?

Светка буквально обалдела. Она ошарашенно уставилась на мать (так значит, та на её стороне? вот это ничего себе!), а вслед за ней и тётя Люба воззрилась на подругу с непередаваемым удивлением.

– А по поводу доверия чужим людям... – мама хмыкнула. – Ну, так Светка моя уже не раз в пионерских лагерях бывала. Тоже на чужих людей, считай, её оставляла. И ничего страшного же не случилось. Вернулась отдохнувшая, загоревшая, поздоровевшая... так что не стущай краски!

– Ну, как знаешь, – тётя Люба оскорблённо поджала губы, всем своим видом демонстрируя, что съёмки фильма и лагерная смена – это совершенно разные вещи. Кофе ей внезапно расхотелось, поэтому Кострова сухо попрощалась и поспешила ретироваться.

– «Стоит ли оно того», – ядовитым тоном передразнила мама подругу, едва за той захлопнулась дверь. Затем она повернулась к дочери, словно приглашая разделить свои мысли:

– Если бы в кино взяли Сашку, а не тебя, она даже не стала бы напрасно задаваться этим вопросом – просто сразу помчалась бы, сломя голову, подписывать все бумаги!

– А ты... подпишешь? – робко спросила Светка. Мама энергично кивнула, но на всякий случай добавила – видимо, для того, чтобы дочь не вздумала расслабляться:

– Я, конечно, удивлена их выбором, не стану скрывать... Откровенно говоря, не думаю, что ты справишься на все сто. Не обижайся, но... кто тебе ещё скажет правду, если не я?... Мне кажется, они просто купились на твою энергию и обаяние, ошибочно приняв их за актёрский талант. Но, в любом случае, надо быть полными идиотами, чтобы отказаться от такого предложения! – заключила она, ободряюще улыбнувшись дочери.

Вот только, несмотря на эту улыбку, у Светки почему-то всё равно испортилось настроение.

1991

Жемчужиной коллекции Тимофея, его гордостью среди многочисленных газетных и журнальных вырезок, календариков и афиш, была цветная фотография Светланы Звёздной, подписанная актрисой лично и присланная ему по почте.

То, что она ему ответила, было невероятной удачей, прямо-таки неслыханным везением. Он и сам в глубине души сомневался в том, что Светлана откликнется. Боялся в это поверить. Но ему достаточно было бы и того, что она просто прочитает его послание, узнает о том, что он есть, что он существует на этом свете, на одной с ней Земле...

Незадолго до дня рождения Светланы – пятого сентября – мальчик купил самую красивую, самую яркую открытку и сочинил для любимой актрисы трогательное поздравление. Отправлял письмо наобум, разумеется, не зная домашнего адреса – практически «на деревню дедушке»: Мосфильм, Светлане Звёздной. Но письмо дошло!

Обратную сторону конверта Тимофей украсил заклинанием:

ЖДУ ОТВЕТА КАК СОЛОВЕЙ ЛЕТА!!!

А внизу приписал для надёжности:

ЛЕТИ С ПРИВЕТОМ – ВЕРНИСЬ С ОТВЕТОМ!!!

Это было невероятной наглостью, даже дерзостью, с его стороны. Но ведь сработало!

Когда дней десять спустя, возвращаясь из школы, Тимофей по привычке, но уже без особой надежды заглянул в почтовый ящик и заметил там белеющий конверт, сердце его ушло в пятки. Он знал, что это ответ из Москвы. Иначе и быть не могло – родители не писали и не получали писем.

Выронив от волнения портфель, он дрожащими руками схватил бумажный прямоугольник и впился в него глазами. Так и есть – его адрес, выведенный нежным округлым почерком – *её рукой!* Тимофей осторожно вертел в пальцах конверт, плотный на ощупь, и боялся даже дышать. Что там внутри? Открытка? Фотография?.. Он осторожно понюхал бумагу. Кажется, она едва уловимо пахла женскими духами... А может быть, он себе это просто придумал.

Внутри оказалась фотография. Удивительно красивая, не любительская, а профессиональная, на которой Светлане было лет двадцать. Тимофея это не слишком расстроило – он знал, что Звёздная старше его, но от этого факта она не переставала быть менее прекрасной и чарующей. Он любовался нежным овалом её лица, милой улыбкой, озорными искорками в глазах... И снова и снова перечитывал несколько незамысловатых строчек, нацарапанных на обратной стороне фото:

Дорогой Тимофей, спасибо тебе за добрые слова и поздравление.

Желаю тебе хорошо учиться, слушаться маму и папу, и... просто быть счастливым.

С горячим приветом из Москвы и самыми искренними пожеланиями.

Светлана Звёздная.

Удивительно, но Светлана помнила ту поздравительную открытку от Тимофея! И даже свой ответ на неё. Может быть, потому, что это трогательное послание от неизвестного мальчика прилетело к ней в период затишья? Ведь раньше, бывало, письма и телеграммы приносили ей пачками, буквально мешками. Мужчины и женщины, дети и пенсионеры писали на киностудию и даже на домашний адрес, каким-то непостижимым образом разузнав его... Наверное,

почтальон тихо ненавидел артистку, доставляя ей очередную внушительную кипу корреспонденции.

Светлана читала письма от поклонников с большим интересом и неиссякаемым удовольствием, однако никому никогда не отвечала. Боялась, что её просто на это не хватит... Да и как можно было выбрать из десятков, сотен писем лишь некоторые, на которые следовало дать ответ? Ведь ответить всем физически невозможно. Поэтому, чтобы не терзаться понапрасну угрызениями совести, Светлана решила вовсе не вступать в переписку со своими обожателями.

В тот день она приехала на «Мосфильм», едва ворочая тяжёлый восьмимесячный живот. Секретарша Зиновья с опаской косилась на него, словно боясь, что актрисе вздумается рожать прямо тут, в директорской приёмной.

Светлана являлась сюда раз за разом, безуспешно пытаясь добиться, чтобы ей выплатили гонорар за съёмки в последнем фильме. На экраны он так и не вышел, поскольку режиссёр угодил в тюрьму за какие-то финансовые махинации, однако это был не повод оставлять её без заработка, выстраданного потом и кровью... особенно теперь, в преддверии скорых родов и статуса матери-одиночки.

– Ничем помочь не могу, – Зиновьино кукольное личико выражало неподдельную скорбь и искреннее сочувствие. – Вадим Николаевич сказал, что он тоже бессилен... Извините, принять вас он сегодня не сможет, у него иностранная делегация.

– Как же так, – устало и беспомощно выдохнула Светлана, чувствуя предательскую мелкую дрожь в руках и резкие, требовательные толчки внутри своего огромного, тугого живота. – Я на эти деньги так рассчитывала... ну нельзя же так – взять и просто не заплатить человеку?!

– Времена такие сейчас... смутные, – Зиновья виновато улыбнулась, словно извиняясь за тот бардак, что происходил нынче в стране. – В бумагах тоже полная неразбериха... А с вашим фильмом вообще всё плохо. Он ведь был снят не на мосфильмовские средства, а на деньги некоего кооператива «Синемания», в который ввязался ваш непутёвый режиссёр. В настоящее время данного кооператива просто не существует. Он развалился... – секретарша вздохнула. – Так что вам даже не на кого подавать в суд. Что касается фильма, то у нас сейчас нет ни лишних денег, ни желания на завершение этого проекта. Он же не смонтирован, не озвучен... Как вариант – можно поискать другие источники финансирования. Спонсоров, как теперь модно говорить, – Зиновья развела руками, давая понять, что и так уже сделала всё возможное и невозможное, чтобы помочь бедолаге.

Светлана только горько усмехнулась. Спонсоров... Да где же их искать? Тем более в её положении...

– Но... я сейчас не могу работать, – Светлана сама понимала, как жалко звучат её слова, как унижительно она выглядит в этой ситуации, и отчаянно боялась заплакать. Чёртовы гормоны!

– И после родов я некоторое время тоже не смогу сниматься. На что же мне жить? – заключила она с тоской и безысходностью в голосе. – Ведь декретный отпуск оплачивается лишь частично, а мне... столько всего нужно купить для малыша.

Секретарша отвела глаза. Светлана поняла, что аудиенция окончена. Не плакать. Не плакать. Не плакать!!!

Она тяжело развернулась и направилась прочь.

– А правду говорят, – не утерпела ей в спину Зиновья, падкая на скандалы, – что Кузнецов вас бросил? Я вообще-то не очень верю, но... девочки в курилке сплетничали, извините...

Похоже, весь «Мосфильм» уже знал о разладе в семье артистов. Светлана отозвалась ровным голосом, не оборачиваясь, чтобы не показывать своего лица:

– Неправда. Я сама от него ушла.

Затем она снова с трудом поволокла свой живот к выходу.

– Ой, постойте! – вспомнила вдруг секретарша. – Я совсем забыла, вам же тут кое-что прислали...

Светлана удивлённо обернулась и увидела протянутый ей конверт.

– Письмо? От кого?

– Поклонник, наверное, – пожала плечами Зиночка. – Хотя почерк, скорее, детский. Какой-то Тимофей Солнцев из Ярославля.

Кое-как доковыляв от метро до ближайшего скверика, Светлана с облегчением опустилась на скамейку, сбросила босоножки с отёкших ступней и вдруг вспомнила о письме, валяющемся у неё в сумке. Она достала конверт и разорвала его. Ей на колени упала разноцветная открытка, исписанная аккуратным мальчишеским почерком.

Уважаемая актриса Светлана Звёздная!

Поздравляю вас с Днём Рождения!

Спасибо вам за то, что вы есть. Желаю вам творческих успехов, здоровья и огромного счастья в личной жизни.

Я вас люблю!

Тимофей Солнцев, ученик 6 «А» класса средней школы номер 14.

И полный почтовый адрес с индексом...

Светлана часто заморгала, чувствуя, как набухают глаза слезами. А ведь и правда, у неё скоро день рождения... Она совсем об этом забыла. Предстоящие роды и развод занимали её куда больше.

Отдохнув немного, она поднялась со скамейки и побрела к почтамту, который находился недалеко от её дома. Там Светлана купила конверт и старательно переписала адрес с пришедшего ей письма. Пусть порадуетса этот незнакомый мальчишка с чудесным именем Тимофей Солнцев. Почему-то он представлялся ей таким же солнечным, светлым и улыбчивым... Затем она достала из сумочки фотографию, которую всегда носила с собой в кошельке, уж очень она себе тут нравилась. Снимал её знаменитый Валерий Плоткин – специально для «Советского экрана». Эти изображения затем были растиражированы по всему Союзу на календариках и открытках.

Несколько непрошенных слезинок всё-таки скатилось по щекам...

– Девушка, с вами всё в порядке? – обеспокоенно спросил чей-то голос. Светлана подняла глаза и увидела напротив участливое лицо молодого парня. Впрочем, его тут же потянула за собой подруга.

– Какая она тебя девушка? – зашипела она так пронзительно, что Светлана услышала. – Не видишь, что ли – у неё живот на нос лезет...

– Ну, а как ещё её называть? – растерялся паренёк.

– Женщина! – ревниво отозвалась его спутница.

– Да какая разница... главное, она плакала...

– А вот это уже не твоё дело...

Парочка удалилась на приличное расстояние, и больше ничего невозможно было разобрать. Они не узнали в ней знаменитую актрису. Да и сложно было бы узнать Светлану в таком виде: ненакрашенную, опухшую из-за беременности, подавленную, уставшую и морально разбитую...

Она вздохнула и торопливо написала на обратной стороне фото несколько тёплых строк для Тимофея. Затем положила снимок в конверт, запечатала его и опустила в синий почтовый ящик.

Представив, как обрадуется и удивится этот славный мальчишка, Светлана невольно улыбнулась сквозь непросохшие блёстки на ресницах. Ей почему-то казалось, что открытка от Тимофея является лучиком надежды, забрезжившем в тёмном царстве её боли и отчаяния. Чем чёрт не шутит, может быть, у неё и правда всё потихоньку наладится? И всё будет хорошо?..

Она ещё не знала, что ничего не наладится. Что вся её жизнь вот-вот полетит под откос.

1995

После распада Советского Союза с оглушительным грохотом рухнула и развалилась вся налаженная система кинопроката. Кинотеатры стремительно закрывались, зато на обломках империи росли и множились, как грибы после дождя, бесчисленные видеосалоны. А вскоре практически в каждой семье появилась эта удивительная штука – кассетный видеомагнитофон, он же «видик» или «видак».

Приобрели видеомагнитофон и родители Тимофея – с рук, разумеется, и далеко не новый. Это была громоздкая устаревшая модель «Электроника ВМ-12». Отец смотрел в основном боевики или (в отсутствие матери) дешёвую порнушку плохого качества, перепи-санную у кого-то из друзей, мать предпочитала зарубежное кино вроде «Красотки» или «Грязных танцев», а Тимофей продолжал бредить Светланой Звёздной.

Он отслеживал, как мог, все её фильмы – каждую неделю внимательно изучал телевизионную программу и отмечал галочкой канал и время показа, если демонстрировалось что-нибудь из фильмографии Светланы. Чаще всего по телеку крутили «Самое лучшее лето», поскольку этот фильм стал признанной классикой детского кино. Но порой ему удавалось подловить и что-то более редкое, незаезженное – и тогда он записывал фильм на чистую видеокассету, пополняя свою коллекцию.

Тимофей пытался также найти искомое в пунктах видеопроката, но выбор там был весьма скуден. Советские фильмы вообще и Звёздную в частности спрашивали мало – в основном интересовались всё теми же вышеупомянутыми боевиками с Брюсом Ли, Шварценеггером или Ван Даммом, прочей голливудской продукцией (комедиями, ужастиками или мелодрамами), а также диснеевскими мультфильмами.

Наконец, в одном из городских пунктов проката Тимофею встретился энтузиаст, который мотался за эксклюзивными записями аж в саму Москву. Разумеется, не бесплатно. Тимофей немедленно выдал ему запрос на всю фильмографию Светланы Звёздной, которую уже давно заучил наизусть. Разбуди его ночью – он мог бы без запинки сказать, в каком году и в каком фильме она снималась.

Энтузиаст заломил немалую цену, но к тому времени Тимофей уже начал подрабатывать то тут, то там, так что клянчить финансовое вспоможение у родителей не пришлось, у него и самого водились теперь деньги.

Так, к примеру, с одноклассником Васьком они организовали домашний цех видео-записи. Принцип работы был до смешного прост: один видак, принадлежащий Тимофею, работал на режиме воспроизведения, а другой, притащенный Васьком из дома, – на записи. Набрав в прокате самых популярных и востребованных кассет, ребята беззастенчиво делали копии и распространяли их затем по одноклассникам, друзьям и знакомым. Просили недорого, но работали буквально в промышленных масштабах, так что их труд окупался с лихвой.

Больше всего заказов поступало на порнуху – у сверстников уже вовсю играли подростковые гормоны. Васёк изрядно веселился над своим приятелем, когда во время записи у того от смущения краснели даже уши. Тимофею было страшно неловко и стыдно – он отводил глаза, отворачивался и невольно морщился. То, что происходило на экране, не имело никакого отношения к любви – так ему казалось, и поэтому было не только некрасиво, а по-настоящему омерзительно, просто безобразно. Ваську же доставляло удовольствие ещё больше смущать Тимофея – он громко и похабно комментировал горячие сцены, выражал удивление происходящему или восторгался фантазией в выборе поз и способов секса, задавал вопросы по ходу просмотра (*«Слушай, Тимох, а чего они так орут-то, я не понимаю?! Им, вроде, по кайфу должно быть, а они орут... Или они как раз от кайфа и орут? Да ну, бред, так не бывает!»*

Люди, когда трахаются, так себя не ведут!»), а затем громко ржал над непосредственной реакцией своего застенчивого напарника.

Нет, конечно, Тимофей тоже думал о сексе, это было абсолютно нормально и естественно в его возрасте. Вот только он не желал считать это, в отличие от большинства своих ровесников, чем-то грязным, грубым, пошлым и примитивным. Возможно, он просто являлся отчаянным романтиком и верил, что всё, что происходит между двумя людьми в постели, должно быть прекрасно по умолчанию.

– Да ну тебя, святоша, – беззлобно подтрунивал над ним Васёк. – Ты, наверное, только от своей Звёздной и возбуждаешься.

Это моментально выводило Тимофея из себя.

– Замолчи!!! – шипел он. – Не смей ничего о ней говорить так... в подобном тоне...

Но его гнев только ещё больше раззадоривал Ваську.

– Ну признайся, признайся мне по секрету... ты ведь на её фото дрожишь? Представляешь её мысленно ночами, шуруя ручонками под одеялом? Ну скажи, Тимох! Ты же знаешь, я – могила!

Это было ужасно – всё, что он говорил. Тимофея буквально трясло от возмущения. Как можно думать в таком ключе о Светлане? Это казалось ему кощунством, практически святотатством.

Разумеется, со времени «Самого лучшего лета» актриса изменилась. Пересматривая свои видеозаписи в хронологическом порядке, Тимофей видел, как Светлана растёт и взрослеет от фильма к фильму. В своих последних работах она была уже не девчонкой, а вполне зрелой и красивой девушкой.

Её карьера обрывалась в 1990 году. Именно тогда вышел последний фильм с участием Звёздной, и именно тогда (вот забавное совпадение!) Тимофей впервые узнал о существовании этой актрисы, увидев её на афише перед кинотеатром... Но куда же Светлана пропала потом? Что с ней случилось? После девяностого в её творческой биографии была просто чёрная дыра. Тимофей часто задавался вопросом, почему она перестала сниматься. Ведь ей было только двадцать пять лет... Сколько ещё интересных, важных и нужных киноролей могла бы она сыграть!

Повзрослев, Тимофей начал понимать, что режиссёры давали Светлане довольно однотипные роли. Поначалу – девчонка-сорвиголова, лихая оторва, позже – безбашенная и раскрепощённая девица. Она никогда не играла примерных девочек или отличниц, ни разу не представляла в образах прилежных студенток или комсомолок. Возможно, потому, что была слишком красивой и яркой для таких скучных, навязших в зубах ролей?

Его любимой «взрослой» ролью у Светланы стала эстонская студентка Вельда из фильма «Два семестра», снятого по роману Лидии Компус. Как же она была там дивно хороша!.. Но и в этом фильме, конечно же, представляла в привычном имидже – непутёвая девица, которую чуть ли не всем институтом дружно пытались наставить на путь истинный. Был в фильме эпизод студенческой вечеринки, когда подвыпившая Вельда появлялась в разгар веселья в одних лишь трусиках и бюстгальтере. Нет, конечно, никакой явной обнажёнки, всё в рамках приличий... и всё же по смелости и откровенности этот поступок актрисы был сопоставим с раздеванием Натальи Селезнёвой в «Операции Ы» и Светланы Светличной в «Бриллиантовой руке».

Момент, где Вельда заваливается на вечеринку почти обнажённой, странно волновал и будоражил Тимофея. В самой сцене не было ничего чересчур вольного или непристойного – лишь лёгкий намёк на изящный эротизм, однако Тимофея этот эпизод пронизывал насквозь, до мурашек. Актриса была совершенна, словно искусно выполненная фарфоровая куколка. Он

никогда не рисковал крутить этот фильм в присутствии родителей или даже друзей, невольно заливаясь краской, но в одиночестве пересматривал эту сцену много-много раз.

Одноклассники уже вовсю зажимались с девчонками по школьным углам и подворотням, а затем громко хвастались своими победами на переменах – разумеется, нещадно привирая и приукрашивая. В сторону Тимофея, который, казалось, совсем не интересовался девочками и не участвовал в обсуждениях «у кого круче буфера, а у кого аппетитнее жопа», посматривали косо и украдкой крутили пальцем у виска. Впрочем, девочкам он нравился, и они частенько оказывали ему весьма недвусмысленные знаки внимания, подкладывая записочки в портфель и угощая конфетами. Читая анонимные признания в любви, Тимофей только недоумевающе пожимал плечами, не принимая их всерьёз и не зная, как положено реагировать. Одноклассницы его не интересовали.

Хуже всего, что к нему вспылала страстью старшая сестра Васька – первокурсница Инка. Она постоянно подкарауливала его во дворе или в подъезде: будто бы ненароком подходила к нему непозволительно близко, чуть ли не прижимаясь, обдавала возбуждающим запахом своих духов и то ли в шутку, то ли всерьёз восклицала:

– Нет, ну до чего же ты хорошенький, Тимоша! Улыбка у тебя такая... я просто таю, как кусок сливочного масла на сковородке. Я влюблена! Хочешь, научу тебя целоваться?..

Он мычал что-то невразумительное в ответ и старался сразу же сбежать. Физически его тянуло к Инке, он не мог этого не признавать, но морально было почему-то противно. Да и неудобно перед Васьком – он же за сеструху мог, пожалуй, и морду набить.

А потом Тимофей – неожиданно для себя – влюбился...

1977

Съёмки в Ялте стали для Светки прекрасным сбывшимся сном. Волшебной мечтой. Ожившей сказкой. Тот период своей жизни она неизменно вспоминала со счастливой улыбкой: даже в самые тоскливые, мрачные и чёрные дни он был для неё отдушиной. Стоило ей закрыть глаза, как в памяти явственно воскресали лица, запахи, вкусы, краски и звуки того лета семьдесят седьмого года...

Море. Солнечно-синее, практически лазурное – даром, что на самом деле Чёрное. То нежно ласкающее своими волнами, то быющее наотмашь, изо всех сил – но словно шутя, «как бы резвяся и играя» – дескать, кто кого?..

Гладкие и округлые мелкие камушки на берегу, приятно массирующие ступни резвых, лёгких, вечно куда-то спешащих, летящих, с разбега врезающихся в воду исцарапанных детских ног со сбитыми коленками...

Огромные ракушки с таинственным глухим рокотом внутри... Юркие крабы, бочком передвигающиеся вдоль береговой линии... Желейные медузы, покачивающиеся в толще воды...

А сочные мохнатые персики!.. А знаменитый крымский виноград!.. А жареные бычки!.. Светка никогда в жизни раньше не ела (точнее, не жрала) с таким зверским аппетитом. То ли свежий морской воздух сыграл свою роль, то ли ежедневная физическая нагрузка (а съёмки оказались не таким уж и лёгким делом) – но в столовой за завтраком, обедом и ужином Светка уминала свою порцию подчистую, чуть ли тарелку не вылизывала, и всё равно периодически покупала себе в городе на перекус то фрукты, то какую-нибудь выпечку – плюшку с повидлом за восемь копеек или бублик с маком за шесть. Просто не могла удержаться! И дело не в том, что их плохо или скудно кормили – напротив, питание было как на убой, причём между взрослыми членами съёмочной группы и детьми не делалось совершенно никаких различий – если старшие получали на завтрак бутерброды с икрой, то и младшие тоже. В Советском Союзе не экономили на кинематографе, особенно на детском, ведь, как писали в газетах, он нёс не только развлекательную, но и воспитательно-образовательную функцию: учить ребят честности, справедливости, ответственности, доброте и дружбе. Поэтому всё было организовано по высшему разряду: приличный бюджет, известный режиссёр, популярные артисты в главных ролях, возможность отдохнуть на море за счёт киностудии, отличные условия для проживания, вкусная обильная еда, не говоря уж о весьма и весьма приличных гонорах...

Кстати, о гоноре. Светкина мама испытала самый настоящий шок, когда узнала, что за полтора месяца съёмок её дочери заплатят немыслимую сумму в тысячу пятьсот рублей. Это были нереальные, сумасшедшие, какие-то совершенно дикие деньжищи! Она несколько раз перечитала все документы от корки до корки, ища подвоха, проверила, не примерещился ли ей лишний нолик (сто пятьдесят рублей звучало куда реальнее), однако никакой ошибки не было.

Полторы тысячи советских рублей. На них можно было купить цветной телевизор с холодильником впридачу, или даже целый мотоцикл!.. Мотоциклы, впрочем, Светку не интересовали, но она совершенно растерялась, как и её мать, узнав, сколько ей заплатят за фильм. Она никогда не держала таких денег в руках и понятия не имела, как ими следует распорядиться.

Своими сомнениями она поделилась с Иваном ещё в самолёте, когда они летели из Москвы в Симферополь.

– Наверное, отдам все деньги маме с папой, – бесхитростно призналась она. – Я всё равно не знаю, что мне с ними делать.

Иван посмотрел на неё, как на умалишённую.

– Ты спятила? Это же твои деньги, честно заработанные, и ты имеешь полное право распоряжаться ими на своё усмотрение! Можешь купить всё, что только захочешь! Вот я, к примеру, за прошлый свой фильм получил две тысячи рублей...

Светка уставилась на мальчика с благоговейным ужасом, как на небожителя. Нет, конечно, она уже была в курсе, что Иван – сын режиссёра, что он активно снимается в кино лет с шести благодаря отцовским связям, и что гонорары у него равны гонорарам взрослых артистов... Но всё же сложно было поверить в то, что обычный московский пацан так спокойно и даже буднично рассуждает о тысячах, которые он без оглядки тратит исключительно на свои желания.

– И что ты купил? – полюбопытствовала она.

– Цветной телевизор в свою комнату, новый велосипед и фотоаппарат, – отозвался Иван. – И ещё на всякие мелочи осталось...

Светка взглянула на него с уважением и завистью. Она бы не смогла так толково распорядиться этими огромными деньжищами. Страшно... а вдруг попадут они к ней в руки – а она спустит их на всякую ерунду?! Купить велосипед, конечно, было бы и в самом деле неплохо, Тёма обрадуется. Они могут кататься на нём по очереди. И телевизор... отличная идея! Новый телевизор, так уж и быть, она отдаст родителям, а старый они с Тёмой заберут к себе в детскую...

Весь полёт прошёл в приятных мечтах о том, как она потратит своё несметное богатство. Светка даже не заметила, что они идут на посадку. И вообще, зря она боялась летать – ничего страшного, как оказалось. Разве что уши немного закладывало, но милая тётенька-стюардесса раздала им всем леденцы-«сосачки», и эта неприятность показалось сущим пустяком.

Съёмочную группу поселили в одном из ялтинских санаториев. Устроились с комфортом, в комнатах на двоих. Светкиной соседкой оказалась юная ленинградская актриса Юлия Молчанова – девочка чуть постарше её. В фильме она играла полного Светкиного антипода – зануду-отличницу, которой, в общем-то, и являлась по жизни. Она привезла с собой на съёмки полный портфель учебников и каждую свободную минутку посвящала тому, чтобы повторять школьную программу – «а то всё выветрится за лето». Светке было с ней немного скучновато, даже поболтать особо не о чем. Не об учёбе же... Но в целом, и дети, и взрослые так уставали за день, что времени собственно на «поболтать» оставалось не так уж и много – доползти бы до своей койки вечером и блаженно придавить лицом подушку, чувствуя, как сладко ноет в теле каждая косточка!..

На лице Юльки навеки застыло выражение унылой зубрилы. «От неё за версту разит интеллектом», как выразился в фильме по поводу её героини один из ребят. Девочка оживлялась, только завидев Ивана. Глаза её за стёклами очков вспыхивали острым живым блеском, она принималась иронизировать, язвить, подкалывать Ивана и саркастически высмеивать – в общем, упражнялась в остроумии, изощряясь как может. «За что эта крыса меня так ненавидит?» – расстроенно недоумевал Иван, избалованный чужим вниманием, восхищёнными взглядами и откровенной лестью. И только Светка сразу же раскусила Юлькино коварство: за маской насмешницы та искусно скрывала ничто иное, как банальный девчоночий интерес! Она была по уши влюблена в Ивана и из кожи вон лезла, чтобы он обратил на неё внимание... пусть даже таким сомнительным способом. Если бы Юлька узнала, что Светка догадалась о её тайне, то наверняка умерла бы от страха быть опозоренной прилюдно перед объектом своего обожания. Но Светка, разумеется, не собиралась стучать Ивану. Не потому, что она как-то особо симпатизировала Юльке, а просто ей было плевать на эти страсти-мордасти, они её совершенно не касались. Гораздо больше её интересовал сам процесс съёмок...

Сюжет фильма представлял собой приключения девочки Анфисы и её друзей во время летних каникул. В общем-то, это были простые житейские истории, знакомые каждому совет-

скому школьнику, но снятые по классическим законам жанра. Всё то, чему полагалось присутствовать в хороших детских фильмах о лете и море, здесь имелось: находка таинственной карты и поиски затонувших много веков назад сокровищ; жутковатые и манящие легенды древнего Крыма; выхаживание раненой морской чайки, отнятой у разбойника-кота; героическое спасение утопающего; песни и танцы под гитару у костра; игры и безобидные шалости; сладость винограда, награбленного из чужих садов; крепкая (на всю жизнь!) дружба и первая, чистая, трогательная любовь.

Помимо Светки, Ивана и Юльки, в фильме снимались также Федя Стеклов (*рыжий-рыжий-конопатый*, невозможный хулиган и проказник) и Миша Бакин (полненый и вальяжный мальчик, с удивительно взрослыми для его возраста рассуждениями).

Все, кроме Светки, уже имели опыт работы в кино, да ещё какой! Ну, с Иваном всё было и так понятно: сын Романовского, несмотря на свой юный возраст, по праву считался настоящим профессионалом, сыграв не менее чем в десятке фильмов. Юлька подвизалась на «Ленфильме» – ей даже посчастливилось однажды поработать с самим Михаилом Боярким! Федя же с Мишей периодически снимались на киностудии имени Горького для журнала «Ералаш», слишком уж колоритными и характерными типажам они являлись: Миша – классический невозмутимый увалень, а Федя – типичный разбойник и сорвиголова.

То, как Федя безобразничал на съёмках, невозможно было описать, а проделки его не поддавались исчислению. Мальчишка полностью соответствовал своему киношному «хулиганскому» образу – или наоборот, образ соответствовал ему, настоящему.

В первый же день в Ялте, не успев толком заселиться, разобрать вещи и расположиться в номере, он снял со стены огнетушитель и включил его (без всякого злого умысла, чисто из любопытства, клятвенно заверял потом Федя остальных). Залив пеной весь этаж и поняв, что не знает, как это остановить, мальчишка просто-напросто бросил содрогающийся в конвульсиях огнетушитель на пол и удрал. К тому моменту, когда взрослые ворвались к нему в номер и потребовали объяснений, он уже лежал на кровати в одних трусах и майке, притворяясь, что спокойно спит посреди бела дня («Ничего не знаю, никого не трогаю!»). «Разбуженный» Федя искренне не понимал, почему все думают на него и как его так быстро вычислили.

Ночами он влезал в номер девчонок через окно и мазал их, спящих, зубной пастой. Иногда подбрасывал им под одеяла живых улиток и крабов, и с явным удовольствием слушал потом оглушительный визг из-за стены...

Но, к слову, долго и всерьёз никто не мог на него сердиться – все проказы самым волшебным образом сходили мальчишке с рук. Просто все любили этого озорника и непоседу.

В фильме «Самое лучшее лето» Светка, Иван и рыжий разбойник Федя играли одноклассников, Юлька – старшую Светкину сестру, а Миша – сына заезжей курортницы, снимающей на лето комнату у Фединых родителей. Роль мамы-курортницы исполняла великолепная Наталья Рачковская. Её обожала вся съёмочная группа – и дети, и взрослые. Одним своим присутствием на площадке эта полная улыбчивая женщина вносила в рабочий процесс струю оживления и веселья, ей даже необязательно было при этом что-то говорить или делать.

Свою героиню Рачковская играла с неподражаемым мастерством и комизмом. По сюжету, курортница постоянно контролировала толстяка-сыночка: не дай бог перегреется, переутомится или перекупается. Она предостерегала его, чтобы он не водился с местными ребятами, не завязывал с ними знакомств – все они представлялись ей жуткими хулиганами, только и мечтающими о том, чтобы сбить хорошего мальчика с пути истинного. Сын томился в этой тюрьме: он приехал на море, но по-настоящему так и не видел его... Питание, купание, прогулки, сон – всё было строго по расписанию, под священным знаменем «режим нарушать нельзя». Главной же заботой этой мамы было, чтобы дитячко вовремя покушало: она вечно

совала ему в рот то пирожок, то котлетку, то хотя бы яблочко. За время съёмок Миша съел не менее тонны всевозможных продуктов, по-доброму шутили киношники. Впрочем, юный артист не жаловался: аппетит у него был отменный, и порою он специально хитрил, запарывая несколько дублей подряд, чтобы на пересъёмку ему принесли очередной вкусненький и жирненький бутербродик.

А ещё на съёмочной площадке крутились самые настоящие романы.

Так, молодая актриса, играющая классную руководительницу ребят, всюю строила глазки актёру, исполняющему роль заезжего морячка. В конце концов, артист клюнул на её влажные зовущие взгляды, и отныне после съёмок они не возвращались вместе со всеми в санаторий, а шли гулять под ручку по набережной, заканчивая вечер ужином в недорогом кафе или столовой. Детям, по большому счёту, не было до этого особого дела, а вот взрослые участники съёмочного процесса вволю чесали языками на счёт влюблённых.

Да что там артисты второстепенных ролей, если даже сам Романовский не отказывал себе в маленьких курортных удовольствиях! Он внаглую соблазнял симпатичных местных жительниц или приезжих провинциалочек. Это было нетрудно: рядом постоянно толпился народ, зеваки с интересом наблюдали за работой съёмочной группы, и к режиссёру то и дело подходили за автографом. Он уверенно кадрил самых хорошеньких девиц, буквально веером собирая у них телефончики, а вечерами откровенно забавлялся: выуживал наугад из пачки бумажек, на которых были записаны номера, какой-нибудь один, словно это была беспроектная лотерея, и звонил затем избранной счастливице.

О, уровень его ухаживаний был уже иным, в отличие от наивного романчика молодых артистов. Своих избранниц Романовский водил не в кафе, а в дорогие рестораны, и предлагал им не бесцельное шатание по набережной или по городу пешком, а передвижение на такси. Или даже устраивал девушкам морские прогулки... Светка не раз замечала, как каменеет лицо Ивана в моменты, когда его чисто выбритый и благоухающий одеколоном отец в наглаженной белоснежной рубашке, подчёркивающей свежий крымский загар, уезжал из санатория на ночь глядя, коротко бросив сыну: «Спать ложись без меня. Буду поздно».

– У тебя есть мама? – как-то улучив момент, спросила она осторожно. Иван нехотя кивнул.

– Есть. Просто не живёт с нами, я её редко вижу. Они с отцом развелись год назад.

Светку невольно охватило чувство острой жалости. Пусть Иван бывал порою чуточку высокомерным и даже несносным, пусть строил из себя всезнайку, требуя у остальной детворы беспрекословного подчинения своему авторитету, но... он же не был виноват в том, что его родители развелись. Светка видела, что он тяжело переживает этот факт своей биографии, хоть и старается не подавать виду, бодрясь изо всех сил.

– Нелегко тебе приходится? – серьёзно, по-взрослому, спросила она. Иван кинул в её сторону удивлённый и настороженный взгляд.

– Да ничего... пока справляюсь, – и, подумав, всё-таки добавил:

– Спасибо.

Работали с полной самоотдачей – порою съёмки растягивались на девять-десять часов. Случалось и так, что во время позднего ужина дети буквально засыпали прямо за столами, над нетронутыми тарелками.

Тем не менее, всё это было невероятно увлекательно и воспринималось ребятами больше как захватывающая игра, чем как работа. Поддержка взрослых товарищей играла здесь не последнюю роль. Вся съёмочная группа была молода и полна неподдельного энтузиазма, у всех горели глаза. На площадке постоянно звучали шутки, песни и смех. Уже позже Светка поняла, что атмосфера, в которой создаётся любой фильм, обязательно передаётся на экран.

Если во время съёмок с настроением что-то не то, нет единства и дружбы – то и само кино выйдет неудачным. Зрителей ведь не обманешь!

Режиссёр Николай Романовский отлично умел работать с детьми. Он знал, что детей нельзя перегружать, потому что у них всё проще и честнее, чем у взрослых: если устал, значит, нужно немедленно отдохнуть. С ребёнком ведь не договоришься, как со зрелым артистом, каким-нибудь заслуженным или даже народным: мол, а давай-ка соберись, поднапрягись и выдай мне тут требуемую сцену! Невозможно «уломать» детей на дополнительные пару часов съёмок (дескать, сделаем – а потом отоспишься), если они уже без сил. Поэтому нельзя вынуждать ребёнка понапрасну тратить время – как только он появляется на площадке, съёмки начинаются в тот же самый момент, поскольку всё уже давно готово и детям не приходится маяться в ожидании.

То, что со съёмочной площадки все неизменно уходило в хорошем настроении, какими бы уставшими ни были, конечно же, на девяносто процентов являлось именно режиссёрской заслугой. Впрочем, все взрослые члены киногруппы относились к своим младшим товарищам с неподдельным уважением, всячески давая им понять, что считают их полноправными участниками съёмочного процесса. Более того – к детям обращались исключительно на «вы». Это здорово дисциплинировало и настраивало на рабочий лад, позволяя на все сто прочувствовать степень своей ответственности и вовлечённости в их общее важное дело.

Только режиссёр обращался к детям запросто, на «ты», но и они звали его по-свойски – «дядей Колей». Это было уже не просто сотрудничество, а самая настоящая любовь. Дети обожали Романовского и готовы были сделать всё, что он ни попросит. Папа даже ревновал немного, когда Светка звонила домой и взахлёб рассказывала о съёмках: дядя Коля то... дядя Коля сё...

Да, им позволялось звонить по межгороду хоть каждый день. Светка, обожающая болтать по телефону, неизменно пользовалась этим правом: письма писать в Речной ей было лень, а вот звонить – самое то!

Тёма не любил пустой болтовни, поэтому, разговаривая с сестрой, каждый раз обстоятельно напоминал ей о главном: привезти ему с моря «камушков и ракушков», а затем неделикатно сворачивал беседу. Сантименты были ему совершенно чужды.

Что касается мамы, то её интересовала больше не творческая, а бытовая сторона съёмки: хорошо ли дочка питается, удобный ли у неё номер, есть ли, где постирать, погладить и помыться, ладит ли с ребятами, не обижает ли её кто-нибудь.

Несколько раз Светка звонила Дане, делилась с ним новостями и впечатлениями. Мальчик был искренне рад за подругу, но слышно было по голосу, что он ужасно скучает по ней. Шурика тоже не было в городе – укатила с мамой в Гагры, так что бедный Данька остался на весь последний месяц каникул совершенно без компании. Светка малодушно радовалась, что подруга в отъезде – иначе пришлось бы звонить и ей, ведь неудобно (да и не с чего) её игнорировать. Но пересилить себя и заставить сделать звонок хотя бы раз Светка бы точно не смогла. Почему-то не покидало ощущение украденного счастья – ей казалось, что Шурик и тётя Люба до сих пор молчаливо винят её в том, что она прошла эти кинопробы. Светка ещё не подозревала тогда, что чужой успех – та вещь, которую никому не прощают. И дело было не только в Шурике и её маме...

– Когда ты вернёшься? – жадно спрашивал Даня. – Первое сентября через неделю... Съёмки же закончатся до этого времени?

– Я опоздаю к началу учебного года, – беззаботно щебетала Светка. – Процесс немного затягивается... Но ничего, мне выдадут справку на киностудии, что я не посещала занятия по уважительной причине. Дядя Коля сказал, что к нам будут приходить самые настоящие учителя из местной школы – чтобы мы не сильно отстали от программы.

Ей стыдно было признаваться в этом своему лучшему другу, но она совершенно не хотела возвращаться в Речной. Если бы съёмки тянулись целый год – она была бы только счастлива... Светка совершенно не представляла себе, как после всего, что с ней произошло, после этого восхитительного лета в Ялте, когда ей жилось и работалось на полную катушку, а дышалось полной грудью, она сможет спокойно, как ни в чём ни бывало, зажить привычной жизнью – ходить в школу, делать уроки, забирать Тёму из детского сада, бегать в магазин за молоком и хлебом... Это было просто невозможно себе вообразить.

Светка чувствовала, что изменилась за время съёмок навсегда. А что, если волшебный мир кино, поманив её, так и останется неприступным? Что, если с течением времени всё постепенно забудется, будто ничего и не было? Что, если фильм вообще не понравится аудитории?

Она с досадой гнала от себя эти докучливые мысли. Но между тем, съёмки неумолимо близились к концу...

1996

В середине десятого класса у них появилась новенькая.

Одноклассники приняли её с удивлением и даже настороженностью. За все эти годы они сроднились между собой, поскольку знали друг друга с первого класса: вместе выросли и переживали школьные радости, трудности и невзгоды. Пусть их коллектив и не был сплочённым и дружным на все сто процентов (всё, как везде: кого-то уважали, кого-то гнобили и периодически подтравливали, кого-то просто перманентно не замечали), но уж точно не нуждался в чужаках.

Когда же стало известно, что новенькая перевелась к ним аж из самой Москвы, ребята и вовсе растерялись. Это выглядело очень странно: у них была самая обычная школа, в которую едва ли стремились попасть специально, тем более из столицы. И это в предпоследнем-то классе, практически на пороге выпускного, да ещё и в разгар учебного года!

Тимофей обалдел сразу, как только её увидел. Вот так, буквально – она вошла, и он лишился дара речи. Очевидно, девчонки либо производили на него впечатление моментально, с первого взгляда (как у него было и с актрисой Светланой Звёздной), либо не производили впечатления вообще.

Впрочем, новенькая и впрямь была красоткой – это заметил не только Тимофей. Высокая, тоненькая, с тяжёлой светло-русой косой, перекинутой через плечо, с ладной фигуркой, которую подчёркивал приталенный пиджачок и юбка до колен, открывающая длинные стройные ноги. Пацаны одобрительно присвистнули и что-то приглушённо загудели между собой, плотоядно улыбаясь. Они всегда так реагировали на хорошенькую девчонку, но в этот раз Тимофей ужасно разозлился, увидев, что одноклассники едва ли не капают на парты слюнями. Ему было ужасно противно, а ещё... хотелось просто вскочить и набить им всем морды за то, что они смеют так смотреть на *эту* девочку.

Что касается одноклассниц, то те, наоборот, надулись и поджали губы, оценив и внешность новенькой, и то, как стильно она одета, и, в конце концов, тот факт, что она является столичной штучкой. Особенно напряглась Оля Синицына, вот уже шесть лет до этого считавшаяся первой красавицей класса – она почувствовала, что её лидерство может пошатнуться.

Звали новенькую тоже необыкновенно: Лика Воронцова. На фоне-то многочисленных Наташ, Лен, Ань, Оль и Тань!.. Это, конечно, тоже не добавило очков в её пользу в глазах девчонок.

Лика села на парту позади него – других свободных мест в классе больше не было. С тех пор Тимофей совершенно потерял покой на уроках. Ему постоянно жгло спину, словно новенькая непрерывно глазела на него, хотя это было и не так: пару раз он внезапно оборачивался, делая вид, что ему что-то надо в противоположном конце класса, и украдкой цеплял её взглядом – Лика вообще на него не смотрела. Её серьёзный сосредоточенный взгляд всегда был устремлён либо на доску, либо в свою тетрадь.

На переменах Тимофей неизменно старался держать новенькую в поле своего зрения: не обидел ли её кто? Не пристают ли пацаны со своими дебильными шуточками? При этом сам к ней подойти он ужасно стеснялся, и если её взгляд ненароком рассеянно скользил по его лицу, он тут же сердито отворачивался, чтобы она ничего не заподозрила.

Оказалось, что они живут в соседних дворах. Тимофей отдал бы всё на свете, чтобы вместе ходить домой из школы, но... это так и осталось его тайной мечтой. Он не смог пересилить себя и хотя бы раз просто заговорить о чём-нибудь с Ликой. Максимум, на что он осмеливался – это бормотать «привет» при встрече.

Нельзя сказать, что все остальные одноклассники тут же заделались её закадычными друзьями – конечно же, нет! Но всё же отношения Лики с коллективом, мало-помалу, завязы-

вались. Тимофей зверски завидовал пацанам, которые запросто сыпали комплиментами в её адрес, рассказывали скабрёзные анекдоты и сами же громко ржали над своим искромётным чувством юмора. Он так не умел. Да и не хотел...

Можно было представить себе удивление (хотя это скорее следовало назвать шоком и потрясением) Тимофея, когда однажды он услышал звонок и, открыв дверь, увидел за ней Лику!

Наверное, вид у него и впрямь был обескураженный. Несколько мгновений он тупо смотрел на неё, приоткрыв рот и не говоря ни слова. Наконец, Лика деликатно кашлянула и спросила:

– Тимофей, ты меня что, не узнал? Я в вашем классе учусь...

Он судорожно сглотнул.

– Я... помню. Привет, Лика. Просто не ожидал тебя увидеть, извини.

Теперь смутилась и она.

– Ты прости, что я заваливаюсь вот так, без предупреждения... Я к тебе по делу.

– Так проходи, – он посторонился, пропуская девчонку в квартиру, даже не уточняя, какое именно у неё к нему может быть дело. Да плевать, плевать! Главное – она здесь, рядом с ним! И она даже помнит, как его зовут!

В тесной прихожей они невольно оказались так близко друг к другу, что Тимофея тут же бросило в жар. Он возблагодарил бога за тусклую лампочку, из-за которой в этом закутке у двери всегда было полутемно и Лика не могла заметить его волнения.

Он так и не решился помочь ей снять пальто, однако нашёл в себе силы предложить тапочки и вежливо пригласить в комнату.

Присев на краешек дивана, Лика поправила выбившуюся прядку из причёски, застенчиво улыбнулась и похорошела ещё больше, если такое в принципе было возможно. На ней был чудесный бледно-голубой свитер, из-за которого её тонкая нежная кожа казалась ещё более белоснежной.

– В общем, зачем я пришла... Вася сказал мне, что вы занимаетесь копированием видеозаписей.

– Да, занимаемся, – кивнул он. – Так тебе что-то нужно записать?

– Вот, – она бережно, точно величайшую на свете драгоценность, протянула ему видеокассету в необычном пластмассовом футляре. До этого Тимофей видел только бумажные обложки. На фотографии была изображена незнакомая женщина возле микрофонной стойки, а надпись гласила:

Celine Dion «Live à Paris»

– Кто это? – спросил он с удивлением – до массовой истерии по фильму «Титаник» и песни «My Heart Will Go On» оставался ещё целый год.

– Это франко-канадская певица Селин Дион, – заторопилась с объяснениями Лика. – Очень талантливая, просто изумительная... Я её обожаю! Эту кассету мне привезли из Парижа, и она мне очень дорога. Здесь её живой концерт, я ужасно боюсь, что с записью может что-то случиться, потому что очень часто её пересматриваю... – Лика зарделась. – Понимаешь, я... тоже очень хочу стать певицей. Планирую после школы вернуться в Москву и поступать в Гнесинку. Так ты сможешь мне помочь? – глаза её умоляюще распахнулись. Тимофей сморгнул, с трудом осмысливая, что она сейчас ему сказала – в голове был туман, он просто смотрел на Лиду, любуясь её лицом, и почти не слушал.

– Конечно, перепишу в лучшем виде, не беспокойся... Чистая кассета с собой?

– Ой! – смутилась Лика и виновато схватила ладонями за щёки. – Забыла! Вот дура... Давай, я прямо сейчас в магазин сбегаю? Или завтра тебе в школу принесу...

– Да брось, – отмахнулся он, приходя в ужас от того, что в классе придётся обнародовать их общение. Он не хотел ни с кем этим делиться. Это было только его счастье. – У меня есть запасы...

– Спасибо, спасибо, спасибо! – Лика расцвела счастливой улыбкой. – А когда будет готово?

Васёк, занятый всю неделю соревнованиями по баскетболу, оставил свой видак у Тимофея, чтобы тот в одиночку справлялся со срочными заказами. Сейчас это было очень кстати...

– Да могу прямо сейчас переписать, при тебе – хочешь? – спросил он и внезапно сам испугался того, что только что предложил. О чём с ней говорить в эти пару часов? Как побороть неловкость? Чем её развлечь? Да и родители вот-вот вернутся с работы...

К счастью, Лика сказала, что не может задерживаться – её ждёт бабушка.

– Если ты не против, я могу забежать завтра. Часа в три – устроит?

– Вполне, – кивнул Тимофей, внешне спокойный, а внутри готовый орать от восторга. – Я буду тебя ждать.

Как он пережил эту ночь – он и сам не понял. Ворочался с боку на бок, вскакивал, с досадой уминал кулаком неудобную подушку, то распахивал форточку, то снова закрывал её, бегал на кухню попить воды и снова возвращался, прикладывался разгорячённым лбом и щеками к холодному оконному стеклу...

Перед глазами стояла Лика. Даже если он зажмуривался, её образ становился ещё более отчётливым. «Я могу забежать завтра...» Как, ну вот как тут можно было уснуть?!

Войдя в класс, он сразу же увидел Лику. Она перехватила его взгляд и едва заметно, но вполне определённо улыбнулась ему краешками губ. Ему не могло показаться! Раньше она вовсе не замечала его, а теперь... Тимофей залился краской, неловко изобразил какое-то подобие короткой улыбки в ответ и прошмыгнул за свою парту. Сердце его пело, а душа ликовала.

Уроки в этот день он пересидел кое-как. Один раз его даже вызвали к доске, и он схлопотал заслуженную пару, но его это совершенно не волновало. Он видел только эти чудесные, сияющие глаза...

После школы он поначалу хотел дождаться Лику и идти домой вместе, но в последний момент испугался. К чему торопиться и форсировать события? Она и так сама придёт к нему...

Она пришла ровно в три, как и обещала.

Тимофей до её прихода успел дважды принять душ, надеть свою лучшую рубашку и любимые джинсы, расчесаться... Он даже раздумывал, не побрызгаться ли отцовским одеколоном, но в конце концов решил, что это будет перебор.

На небольшом столике в комнате он расставил вазочки с печеньем и конфетами, достал красивый чайный сервиз, который мама берегла для особо важных гостей и никогда не пила из тонких фарфоровых чашечек просто так, без повода.

Когда Лика появилась в его квартире и сняла пальто, он с удовольствием отметил, что она тоже принарядилась – сменив юбку и пиджак, которые носила в школе, на симпатичное шерстяное платье, в котором выглядела просто очаровательно. «Интересно, она для меня так разоделась?» – думал Тимофей, боясь надеяться на это и в то же время отчаянно этого желая.

Он включил видеокассету для проверки, чтобы Лика оценила качество записи. Некоторое время они молча наблюдали за тем, как певица творила что-то невероятное своим удивительным голосом: она импровизировала, изображая всевозможные музыкальные инструменты. Лика, хоть и видела этот концерт тысячу раз, снова залипла перед экраном. Глаза её сияли, как два солнца, губы в восторге приоткрылись.

– Какая она необыкновенная! Какая чудесная! – повторяла она в восхищении. Это Лика была чудесная, а не Селин Дион, думал Тимофей, но, понятное дело, вслух ничего не говорил.

– Сколько я тебе должна? – спросила, наконец, она, с усилием оторвав взгляд от экрана. Он махнул рукой:

– Да брось... ничего не надо.

– Как это – «не надо»? – удивилась Лика. – Я же знаю, что это твой заработок. Ты потратил на меня время, и вообще...

– Ничего не надо, – повторил он почти сердито. Сердился, правда, не на неё, а на себя самого – за то, что так и не решился предложить ей выпить чаю. Он боялся, что Лика сейчас заберёт обе своих кассеты и просто уйдёт... И всё вернётся на круги своя, он просто перестанет для неё существовать. – Нисколько ты мне не должна, – повторил он мягче. – Мне... мне было даже приятно.

– Спасибо... – Лика удивлённо вперила в него свои глазищи, не понимая, что с ним происходит. Затем она перевела взгляд на сервированный столик и спросила:

– Это ты меня хотел чаем напоить?

– Нет! – торопливо отозвался Тимофей, заливаясь краской, но, спохватившись, тут же поправился:

– То есть, да... В смысле... не хочешь ли чаю?

– С удовольствием выпью, – отозвалась она, пряча смешинки в глазах и кусая губы, чтобы не засмеяться.

Проклинаая свою застенчивость и неловкость, Тимофей помчался в кухню, чтобы поставить чайник.

– Тебе помочь? – Лика пошла за ним следом. Тимофей так торопился и волновался, что невольно обжёгся кипятком.

– Осторожно! – вскрикнула Лика и схватила его за руку. Его словно второй раз обожгло – на этот раз от её прикосновения.

– Очень больно? – спросила она испуганно, дуя ему на пальцы.

– Нет, – выдёргивая свою ладонь из её руки, отозвался он резко. Только бы она не заметила, что он чуть не падает в обморок от её близости. Только бы не...

– Ты что такой сердитый? – её брови недоуменно приподнялись. – Я тебя чем-то обидела? – она внимательно смотрела ему в лицо, ожидая ответа. Тимофей молчал, про себя кляня на чём свет стоит свою нерешительность и чувствуя, как толчками бухает в груди сердце, а щёки наливаются предательским жаром. Что-то было в его взгляде – такое, от чего Лика вдруг притихла и, доверчиво глядя на него, вдруг сделала маленький шагок навстречу.

Он и сам не понял, как это всё произошло. Просто подался к ней, обхватил руками за плечи и прижался к её зовущим нежным губам – своими...

Тимофей совсем не умел целоваться, да и Лика, судя по всему, тоже. Но то, как она доверилась ему, как позволяла его робким и одновременно жадным поцелуям покрывать её губы, отзывалось в его животе сладкой истомой. Он прерывисто вздохнул и ещё крепче прижал Лику к себе.

Она не отстранилась.

Это нечаянное, безумное, неожиданное, запретное счастье продолжалось ровно неделю.

Целую неделю. Всего лишь неделю...

Все эти семь дней Тимофей летал, как на крыльях. Ему хотелось кричать на весь мир, буквально орать о своей любви, и он едва сдерживался, чтобы не начать петь или танцевать прямо на улице. Лицо его постоянно было озарено широкой улыбкой, как у Иванушки-дурачка. Ему было так хорошо, что он вовсе не замечал косых и завистливых взглядов одноклассников, а их было ой как много... Пацаны досадовали, что этот тихоня, бывало, краснеющий до слёз

на вопрос о том, девственник ли он, буквально за пару дней уломал новенькую красотку! И ведь наверняка уже успел ей «засадить» – вон какой довольный ходит, аж сияет.

Одноклассницы же злились из-за того, что эта высокомерная заезжая москвичка вот так внаглую, сходу, захомутала первого красавчика класса, на которого кое-кто из них давно имел виды. Ведь Тимофей, несмотря на свою скромность, нравился очень многим – не только своим, а даже девчонкам из параллельных классов. Да кто она вообще такая, эта Лика Воронцова? Что о себе возомнила? По какому праву разинула рот на чужой каравай?! А уж Инку, сестру Васька, и вовсе перекосило, когда она увидела этих голубков вместе.

Масла в огонь подливало и то обстоятельство, что влюблённые, казалось, совсем не стеснялись своих чувств и ни от кого их не скрывали. Держась за руки, они приходили по утрам в школу. Сидели вместе на уроках. Даже на переменах и в столовой держались парочкой, не размыкая рук и обласкивая друг друга взглядами – ну прямо попугайчики-неразлучники! Никаких вольностей и физических проявлений своей любви, они, впрочем, себе не позволяли, то есть даже не целовались прилюдно. Однако всё было написано у них на лицах. Стоило кому-нибудь перехватить взгляд Тимофея, устремлённый на Лику, или наоборот – и ему тут же хотелось в смущении отвести глаза, слишком уж там... искрило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.